

НИКОЛАЙ ЗАХАРОВ

ОТМОРОЗКИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров

Отморозки, часть 1

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Захаров Н.

Отморозки, часть 1 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Перед Вами - авантюрный детектив, с захватывающим сюжетом и неожиданными поворотами. Совершённое преступление имеет социальные причины - действие происходит в 90-е годы, когда в стране произошла смена идеологии и люди потеряли нравственные ориентиры. "70 лет советского воспитания куда делось? Приучили народ, что все люди братья, а пришел капитализм и все, как волки друг с друга, шкуру спустить готовы", - с недоумением рассуждает Леонид Шарапов, волей случая ставший главным героем событий. Содержит нецензурную брань.

© Захаров Н., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	13
Глава 3	23
Глава 4	31
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Броневик, покрашенный в канареечный цвет, фыркнул движком и медленно вывернул свое тупое рыло в сторону выезда на проспект. Водитель включил сигнал поворота и вытянув шею, впился глазами в поток транспорта в ожидании подходящего разрыва, чтобы вписаться в него без проблем. Бросив недовольный взгляд на сидящего рядом инкассатора, закурившего сигарету, он проворчал раздраженно:

– Договорились же вроде, Илюха, не курить в салоне?

– Извини, Борисыч, забыл, – спохватился Илюха, приоткрывая боковую, бронированную створку и вышвыривая в щель чинарик.

– Курение – медленная смерть, – привычно проворчал некурящий Борисыч и это были его последние слова в жизни. В следующую секунду в приоткрытую створку врезалась кумулятивная граната и прожигая десятимиллиметровую броню, выплеснулась в "салон для некурящих", выжигая в нем все живое, мгновенно, в отличие от никотина. Сгорающий заживо Борисыч, завизжав, успел вскинуться за рулем, выпрямляясь в агонии и рухнуть на рулевую колонку грудью, включая клаксон и выжимая ногой педаль газа. Броневик взвыл хрипло и удивленно, прыгнув с места в проносящийся мимо транспорт и врезавшись в пассажирский автобус. Смял его легкую металлическую обшивку точно по середине, с рекламной рожей гламурной, выворачивая ее бульдозером на встречную полосу, сбивая с ног стоящих пассажиров автобуса и вышвыривая из кресел сидящих. От удара, горящее тело

Борисыча завалилось на бок и нога, с педали акселератора

соскользнувшая, прекратила подачу топлива в цилиндры двигателя. Броневик взвыл яростно, разворачиваясь от следующего удара в левый задний угол сейфа-кузова и заглох, присыпанный стекольным крошечком, вылетевшим из автобусных оконных проемов. Это сзади "приехал" в броню канареечную "Форд-Фокус" и своей массой, конечно же, монстра бронированного сдвинуть бы не смог так качественно, но массы ему добавил, боднув в задний бампер, несущийся следом вплотную, как водится, отечественный Камаз, волокущий фуру, затянутую голубым пластиком с надписью "Ространсавто". Эти добавившиеся тонны с их инерцией, смяли Форд в гармошку, заклинивая двери и вминая его в бронированный угол, протащили всю сюрреалистичную композицию метров пять юзом с треском, воем, грохотом и визгом тормозов.

Толпа ротозеев, возникшая тут же, оживленно обмениваясь репликами, фиксировала дальнейшее на сотни мобильных телефонов, обеспечивая будущую следственную бригаду необходимым материалом с разных ракурсов и расстояний. А снимать было что... У заглохшего броневирика засуетились три фигуры в черном камуфляже и такого же цвета непритязательного, вязаных шапочках с прорезями для глаз. "Ниндзя" эти действовали слаженно и расторопно, и все их телодвижения уложились в считанные минуты, за которые они успели сноровисто вышибить, направленным взрывом, заднюю дверь броневирика, застрелить двух охранников, высунувших контуженные физиономии в дверной проем, и вычистить сейф-кузов, зашвырнув банковские мешки в подруливший задом пикап цвета мокрый асфальт. Ротозеи шарахнулись, сначала пропустив его, прыгнувшего с тротуара и рычащего движком, а потом отскакивая от него выворачивающегося в обратном направлении. Водитель в таком же, как и остальные "ниндзя" головном уборе, помогать поделникам и не подумал, вцепившись в руль и высунув голову в окно. Услышав хлопок закрывающейся задней двери и, увидев отмашку. – "Готово", – он рванул с места, выскакивая на тротуар и сбивая с ног несколько совсем не расторопных зевак, разлетевшихся с воем и криками в разные стороны, но фанатично при этом продолжающих снимать "фильму" на свои мобильники. Пикап отвлек на себя внимание толпы и, скрежеща коробкой скоростей, скрылся, свернув с придворовой территории в ближайшую улочку, зацепив попутно садовую скамейку, мешавшую ему проехать наикратчайшим путем.

Его потом обнаружат в километре от места происшествия во дворе-колодце, брошенного, с распахнутыми дверками и треснутым лобовым стеклом.

– Судя по всему, здесь преступников ждало еще одно авто,– уверенно огласил рабочую версию представитель МВД, на брифинге организованном на другой день для представителей СМИ.

– Сотрудники полиции обошли и опросили всех граждан проживающих в этом доме и даже попутно выявили наркопритон в одной из квартир. Некий Мухин содержал. У него, к сожалению, алиби стопроцентное. Нога сломана и без костылей перемещаться не может этот гражданин. Обыск, в его квартире проведенный, тоже ничего не дал. Но нам удалось составить очень качественные фотороботы преступников. И скоро они будут висеть повсеместно. Покажем и по телевидению обязательно. Контактные телефоны работают круглосуточно. Вознаграждение достойное ждет того, кто укажет местонахождение похищенных денежных средств. По заявлению банка, сумма похищена, господи, очень значительная.

– Сколько?– крикнул один из аккредитованных при МВД журналистов, жуя жвачку.

– Без малого сто миллионов, господи,– скривился представитель МВД, в звании полковника.

– Сто, чего? Деревянных?– опять крикнул тот же журналист с места, прекратив жевать.

– Свободно-конвертируемой, господи,– скривился еще больше полковник.

– Вау!– заорал восторженно журналиста, проглотив нечаянно "Стирол без сахара", забыв в эйфории профессиональной, что он совмещает профессию журналиста с жвачным животным. Жвачка влетела в горло и поползла по нему, перекрывая дыхание. Комок, скомпонованный сразу из нескольких изначально пластин этого продукта, чуть не создал еще одну сенсацию о летальном исходе на брифинге, но журналист, так взвыл это свое "Вау", что рот при этом распахнутый, добавил диаметра и глотке, судорожно и рефлексорно заглатывающей резину без сахара.

– Это же рекорд своеобразный, господин полковник. В книгу Гиннеса можете попасть, если не поймаете бандитов. Отвечаю!– заорал журналист, не подозревая, что сам только что поставил рекорд достойный этой книги, проглотив такой комок импортной дряни, что если бы кто-то догадался и успел зафиксировать это, то производители дряни, с удовольствием заключили бы с ним контракт рекламный лет на десять и свободно-конвертируемой засыпали бы рекордсмена. Не сто миллионов, конечно, высыпали бы, но профессию свою сволочную парень мог бы бросить ко всем чертям и заняться чем-нибудь более достойным. Шоу-бизнесом, например. Но журналист, не подозревающий, какая неслыханная удача только что махнула перед ним своим облезлым хвостом, уже звонил кому-то, делясь последними новостями:

– Сто лямов, прикинь,– шипел он в трубку, согнувшись.– Пять минут и в шоколаде. Баксов с евриками. Молодцы,– а полковник закончил встречу с журналистами официальным заявлением, сурово сдвинув брови на мужественном лице с квадратным подбородком.

– Привлечем все имеющиеся ресурсы, господи, и преступников найдем. Из-под земли достанем. У следствия в распоряжении имеется достаточное количество улик, чтобы предъявить обвинения всем участникам разбойного нападения и от возмездия заслуженного никто из них не уйдет.

– Фотороботы мы можем увидеть, господин полковник?– спросила его в завершении журналистка с первого канала, краснея под взглядами коллег.

– Разумеется. Все четыре, господи,– заулыбался полковник. Он был рад продемонстрировать несомненные успехи родной конторы, которая не зря ест свой хлеб, оплачиваемый налогоплательщиками.– Вот это водитель. Это остальные трое – "грузчики", как мы их окрестили в оперативных целях,– с экрана за его спиной, на журналистов уставились четыре морды в масках с прорезями для глаз.

– Хорошие фотороботы,– хмыкнул кто-то из журналистской братии ехидно.– По ним вы их непременно выловите, ста лет не пройдет.

– Какие есть,– развел сконфуженно руками полковник.

– А какая премия обещана за информацию, господин полковник? Ну, если настучит кто-то удачно?– высунулся из-за спин опять, несостоявшийся рекордсмен по заглатыванию жвачки.

– Миллион в СКВ, господа журналисты,– громко огласил сумму премиальную полковник и, в помещении зазвенела тишина. Журналисты сидели, открыв рты, переваривая услышанную информацию, и только в оконное стекло билась осенняя муха, нарушая эту тишину, врезаясь слету и сползая на подоконник, срывалась с него, чтобы выписав очередную фигуру высшего пилотажа, врезаться снова в стекло.

– Тогда и фотороботы нахрен не нужны. Вам их народ пинками в ближайшие дни подгонит,– пошутил в наступившей гробовой тишине все тот же любитель глотать жвачку, снимая возникшее напряжение.

Но это будет завтра, а сегодня на проспекте... Трое "ниндзя-грузчиков" закончив погрузочные аккордные работы, расшвыряв толпу ротозеев, проломились сквозь нее и заскочили в двери строительного супермаркета. Сбив с ног, вставшего случайно на их пути охранника, они промчались через весь магазинище и выскочив через задние ворота, скрылись с подсобно-складской территории в неизвестном направлении, пнув в оскаленное рыло сторожевого пса у распахнутых настежь ворот. Сторож-секьюрити, успел, правда, их обложить семиэтажным матюгом в спины, но ничего в последствии толком следователю сообщить не смог.

– Молодые бугаи, быстро бежали,– бубнил он, вызванный в кабинет к следователю.– На мордах дырки. Глаза горят.

– Чтонибудь сказали, когда мимо пробегали?– спросил следователь, поняв, что тянет очередную "пустышку".

– А как же, господин полицей. Который Бека в рыло пнул, орал само-собой.

– Чего орал?– обрадовался следователь, включая магнитофон.

– Ну, че... Пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи-пи,– добросовестно передал сторож содержание реплики "грузчика".

Следователь сморщился, будто хлебнул уксуса и уточнил все же:

– Это все?

– Не-е-е-т, господин полицей. Еще это... пи-пи-пи. Чуть не забыл.

– Не надо меня полицаем обзывать,– сделал следователь замечание свидетелю.

– А как надо?– вытаращился на него тот.

– Господин полицейский надо,– терпеливо пояснил следователь, подумав,– "Бывают же идиоты в родном Отечестве".

– О, как значитесь теперь,– почесал затылок сторож.– А вот, к примеру, раньше-то вашего брата по-свойски народ ментами называл. А теперича как? Пентами?

– Теперича...– передразнил свидетеля следователь.-... никак. Полицейский и больше никак,– снова подумав, глядя на наивно-глуповатое лицо сторожа,– "Дебил видать, тот еще".

– А вот это вы сейчас зря, господин полицметнский...– вдруг оскалился рассерженно сторож.

– Что зря?– опешил следователь.

– Оскорбляетесь. Я, конечное дело, университетов не кончал, но "дебил" эт всеж не про меня,– насутился обиженно сторож.

– Да не говорил я ничего такого про вас, уважаемый Леонид Анатольевич,– следователь, удивленно вытаращился на свидетеля, не поленившись предварительно заглянуть в протокол и уточнить позывные сторожа.

– Как же... А, – "дебил тот еще"? А перед этим еще и "идиот в Отечестве" – это что? Я сам себе что ли спел комплименты? – начал закипать свидетель, выкладывая на стол канцелярский, два здоровенных, пролетарских кулака.

– Так это не про вас, дорогой Леонид Анатольевич, – заюлил следователь, засомневавшись вдруг, – "Может, вслух думать начинаю, на этой службе собачьей", – подумал он, впадая в панику. – Это я вспомнил дело одно, так там форменный дебил и идиот. Тещу топором зарубил, – сочинил он тут же "отмазку".

– И че теперича этому мужику будет? – раскрыл рот Леонид Анатольевич, мужчина лет сорока.

– Что будет? Суд ему и срок будет. Теща-то заявление на него накатала сразу, – скривился недовольно следователь, которому дело это уголовное надоело уже полгода назад и тема, которую сам же по оплошности и предложил, обрыдла до нельзя.

– Как же она накатала, коль он ее зарубил, вы сказали? – раскрыл рот еще шире сторож. – Аль с того света уже органы наловчились принимать заявки?

– Не до смерти он ее зарубил. Говорю же – идиот и дебил. Череп у тещи крепкий оказался, а топор тупой у Петра этого. Петром звать дебила-то. Так ведь идиот этот... – следователь опять недовольно сморщился. – Ну, коль уж попался, коль душегубец из тебя никакой, так подпиши протоколы скоренько и гуляй себе на зону. Раньше сядешь – раньше выйдешь. Нет, заладил свое, как попугай, – "Я нечаянно, гражданин следователь. А тещу я свою люблю, как мать родную и жизни ее лишать не хотел. Под руку подвернулась случайно. Мясо рубил, а тут она мимо пробежала", – брешет, как сивый мерин. Вот вы свою тещу любите, как мать родную?

– У меня теща умерши год как, – пригорюнился в ответ Леонид Анатольевич. – Готовила хорошо. Хорошая была, не шибко чтобы вредная.

– От чего преставилась? – проявил тут же профессиональный интерес следователь.

– Из окна выпамши. Мы на восьмом проживаем. Полезла стекла протирать. Сколь раз ей говорил, – "Пульхерия Поликарповна, неровен час...", – куда там. Тряслась уж вся от хворей, а все одно лезет. Ну и оборвалась. Недельку опосля найти ее не могли.

– Как это? – раскрыл теперь рот следователь.

– Так ить она до земли-то не долетела чуток. На ветках повисла березовых. А в прошлом годе лето дождливо было, вот оне и распушились, мать иху. Мы уж и объявления расклеили по всему городу. Супружница шибко убивалась.

– И как обнаружили тело? – следователь захлопнул рот и замер, в ожидании ответа.

– Обыкновенно. В квартиру на втором этаже, где энта береза раскорячилась, домушник полез ночью. Увидел форточку открытую и прыг на березу-то. Ветки качнулись, ну и теща, стало быть, ему на голову сверзилась с верхних. А уж на землю они, обнявшись упали. Он-то, мазурик этот, хватъ ее машинально, а как увидал что поймал, так и сомлел.

– Как же, как же помню я этот случай. Читал дело. Всем отделением смеялись над прохвостом, – обрадовался следователь. – Сама говорите теща-то выпала? – тут же задал он каверзный вопрос.

– Нет, я ее вышвырнул, чтобы не мельтешила перед глазами, – взвился Леонид Анатольевич. – Сколь будете нервы мотать еще? Тот все приставал... Сама, аль не сама? Алиби у нас у всех на то время, гражданин следователь. У всего семейства. Мне вокурат в тот день аппендикс резали, под скальпелем отдыхал в наркозе, а супруга с детьми в отпуске пребывала и вернулись они по билетам в тот день вечером. Сразу заявили. Так ваша контора еще и заяву не приняла. Дескать, "бабулька загуляла где тось и подождите-ка недельку". Как в воду глядели, через неделю и нашлась.

– Ну, что вы, Леонид Анатольевич. Я не мотаю вам нервы. Дело уже в архиве. Мне и дела до этого дела нет никакого, даже если теща ваша не сама вывалилась из окна, а кто-то ей злодейски помог, – замахал руками следователь. – Успокойтесь, ради Бога.

– Успокойтесь!!!– буквально взвыл Леонид Анатольевич.– Как же... дадите вы покою, мать вашу!!!

– А вот это вы зря так-то,– нахмурился, скроив официальное лицо, следователь.– Здесь вам не на кухне дома, здесь государственное учреждение и будьте любезны не выражаться с матерью. У меня еще к вам пара вопросов есть. Держите себя в рамках Закона,– тоном все это было произнесено с монотонностью ржавой пилы и Леонид Анатольевич, сразу присмирев, законопослушно кулаки со столешницы убрал.

– Задавайте,– буркнул он.– Че вообще вызвали? Эти гаврики месяц назад почитай, как пробегали и каб Бека не пнули, так я бы про них бы и не вспомнил,– возмущался Леонид Анатольевич обоснованно. Действительно с того дня прошел уже месяц, но и сотрудников полиции тоже понять можно. В их распоряжении оказалось сразу столько очевидцев непосредственных, наблюдавших за разбойным нападением, что называется из первых рядов... Удача редкая. Пока их окучили, вот время и прошло. Так что настороже их бдительное око остановилось в последнюю очередь, как на менее перспективном, потенциальном источнике оперативной информации.

– Вызвали мы вас, Леонид Анатольевич, чтобы окончательно прояснить каким образом преступники скрылись с места преступления. Так что давайте не будем привередничать, а будем, как предписано всем законопослушным гражданам, всячески сотрудничать со следствием,– взглянул на свидетеля прокурорским оком следователь, а тот удивленно округлив глаза, переспросил:

– Эт че? Мимо меня, значит, преступники пробегали? И чего накуролесили?

– А вы что не знаете, что в этот день напротив вашего супермаркета банковский броневик выпотрошили?– удивился следователь.

– Они че ли? Эти? Так я слыхал, что там деньжищ мешками было, а эти-то порожняком перли,– Леонид Анатольевич недоуменно покачал головой.– Сомнения чей-то меня берут, что они.

– Они самые, не сомневайтесь. А порожняком, потому что поделник у них с колесами был.

– С колесами? Нет, с колесами ни кого не видел,– мотнул головой Леонид Анатольевич, уставившись наивными глазками в лицо следователя и тот, поморщившись, невольно подумал,– "Дурака включил, дядя. Ну-ну".

– Опять оскорбляете, господин полицей,– тут же уличил его свидетель, наливаясь багровым возмущением.

– Подумал я-а-а только-о-о!!!– заорал возмущенно следователь.– Не говорил ничего вслух. Вы что, мысли чужие слышите?

– Ну, слышу. А че?– взглянул на него с протестным выражением на лице Леонид Анатольевич.

– Как это?– опешил следователь.– Давно?

– Сколь себя помню,– кивнул Леонид Анатольевич.– По перву тяжело было. Путался все. Не понятно было чего, то одно талдычат, то совсем наоборот. Первые десять лет, пока приносився.

– Ну-у-у!!!– глаза у следователя полезли от удивления на лоб.– Да вы, уважаемый Леонид Анатольевич – уникам, вам у нас работать следователем нужно, а вы сторожем... С таким даром Божиим в самый раз в органах подвизаться. Цену вы себе не знает, коль не врете.

– А че врать? Ну, слышу и слышу. А в ментуру работать мне идти нельзя. Нервный я.

– Да-а, что есть, то есть. Эмоциональный вы человек, а у нас нужен трезвый ум и холодное сердце. Правильно Железный Феликс-то сказал в свое время,– согласился следователь.– Эх, ма! А на пол ставки если, поработать не желаете? По-совместительству, так сказать. Мы бы вас использовали, как детектор лжи. Сидели бы тихонько в уголке и записывали реальные

показания подследственных. Что они там утаить норовят. Большую бы пользу Державе приносили. А Родина бы вам, в моем лице, денежку платила.

– Не желаю, – мотнул отрицательно головой Леонид Анатольевич. – Не смогу я "тихонько" этим "детектором", не удержусь и зашибу вашего подследственного. С детства воров не выношу. Поэтому сторожем и работаю всю жизнь, сколь себя помню.

– Жаль, жаль, – поскреб лоб с залысинами следователь. – А какой бы из нас мог тандем славный получиться... Да-а-а... А раскрываемость какая... Мы бы с вами всех воров пересажали...

Вот, к примеру, этот Петр-дебил, который попугаем прикидывается. Вы бы его сразу к ногтю. У нас ведь на него кроме слов тещи, против его слов, ничего нет. Дело висит. А вы у всех людей мысли слышите или как? – спохватился следователь вдруг, подумав, что распинается перед этим "уникумом", а он может, слышит только рыжих, чернявых или лысых.

– У всех, кроме тех, кто правду говорит без лукавства. У таких, что на уме, то и на языке, так что я им в мозги и не лезу, – уточнил свои возможности Леонид Анатольевич. – Только таких нынче редко можно встретить.

– А вот мы сейчас и проверим ваши возможности. Не возражаете? У меня по времени сейчас уже допрос этого идиота Петра, как раз. С вами вот заговорился, а он в коридоре сидит, дожидается. Конвой уже заглядывал пару раз. Введите, – рявкнул следователь, не дожидаясь согласия испытуемого и дверь в кабинет скрипнув, пропустила мужчину стриженного на лысо, лопухоного и баскетбольного роста.

– Присаживайтесь, подследственный, – кивнул ему на стул следователь. – Сегодня, я надеюсь, последняя наша с вами встреча, гражданин Сидоров Петр Иванович. Дошьем уже дело, ко всеобщему удовольствию. На допросе сегодня присутствует, привлеченный органами, эксперт-криминалист-детекторист и показания при нем вы можете давать только правдивые. Лживые, он сразу изобличит. Понятно? Вижу, что нет. Он у нас Уникум – мысли слышит. Так что не надейтесь ввести снова следствие, своими побасенками, в заблуждение. Рассказывайте? Я пишу, – следователь щелкнул по клавише магнитофона.

– Сколько можно, Варфоломей Виленович? – вздохнул тяжело подследственный, с укоризной почему-то взглянувший на "эксперта-детекториста".

– Сколько раз попросим, столько и можно, – цыкнул на него следователь с экзотическими довольно именем и отчеством. – Рассказывай, как тещу свою любимую чуть топориком не зарубил.

– Так не хотел я, Варфоломей Виленович. Она мне сама велела мясо нарубить. Ребрышки помельче. Ну, я взял топорик, доску и хрясь. А она откуда выскочила под руку, зараза мелкая..? Вот ей в лоб и прилетело. Я ведь сам скорую потом вызвал. А у ней видать маразм в извилины от удара запрыгнул. Отлежалась и поперлась к вам. Вот все.

– Опять за свое, значит? Теже песни? – Варфоломей Виленович раздраженно щелкнул клавишей магнитофона. – Ну, что скажете, Леонид Анатольевич, как эксперт?

– А че говорить? Правду мужик тряндит. В маразме теща, – кивнул тот, обрадовав своей экспертизой подследственного несказанно. Даже слезы у бедолаги на глазах заблестели от радости.

– О, как! – поскреб затылок Варфоломей Виленович. – Уверены?

– Дак... – Леонид Анатольевич радостно заулыбался. – Давно такого честного не встречал. Из тех самых, у которых что на языке, то и на уме. Можете выпроваживать к теще любимой, нечего ему тут казну объедать.

– Однако... Ну, все же проверку контрольную я в заключении одну учиню тогда. Ну-ка вы, Петр Иванович, подумайте, как вашу тещу величают, а вы Леонид Анатольевич, назовите, чего он там думает.

– Зинаида Семеновна звать тещу. Тестя покойного, вспоминает как Алексея Игоревича, а супругу свою называет Аннушкой, – выдал тут же Леонид Анатольевич.

– Ве-верно, – закивал радостно подследственный. – Так всех и вспомнил.

– Неожиданно, однако, – поскреб опять затылок Варфоломей Виленович. – Отпущу, пожалуй, из-под стражи под подписку о невыезде, но чтобы вместе с тещей маразматнутой завтра же явились и чтобы она заявление свое забрала, нето ее посадим за лжесвидетельство лет на десять. Так ей и передайте любимой. Держите постановление и пропуск. Распишитесь здесь, здесь, здесь и здесь. Свободны. Охраннику скажите, пусть заглянет. Нет дела, в архив с плеч. Не мытьем, так катаньем, – Варфоломей Виленович проинструктировал заглянувшего в кабинет полицейского и тот, равнодушно кивнув и козырнув лениво, дверь за собой прикрыл. А Варфоломей азартно потер руки и подмигнул Леониду Анатольевичу совершенно по-свойски:

– Вы бы нам еще, Леонид Анатольевич, пособили это дело раскрыть с разбойным нападением на броневилок. Вот только это и больше бы не потревожил я вас. Клянусь всеми святыми. Понимаешь, начальство три шкуры уже содрало. Больно уж сумма велика похищенная. И ведь чисто как сработали эти ухари. Никаких зацепок не оставили. Все концы обрубали. Сразу видно, что профессионалы работали. Нам бы хоть одну ниточку, какую-никакую. Зацепиться бы хоть за что-нибудь. Ведь весь город на ушах. Криминальных паханов чуть не на дыбе вывернули. Не берет на себя никто этих умельцев. "Отморозки", мол, дикие. Внесистемные. Такие вот дела у нас скорбные. И ведь премию уже подняли банкиры до трех миллионов валютой. Только что-то никто не бежит ее получать, с информацией конкретной. Психи звонят на телефоны доверия. Один якобы мешки видел, у себя на чердаке, с деньгами. Приехали, а он и дверь не открыл. Кукарекает из-за запертой и ржет, ровно жеребец в стойле. Пришлось санитаров из дурки вызвать и дверь ломать. А на чердаке у придурка нашли ржавый пулемет "Максим" времен столетней давности, в исправном состоянии, кстати. Где этот псих его откопал, не говорит. Хорошо, что стрелять из него не додумался. Там и патронов пару коробок к нему было приготовлено.

– И как я могу пособить? – пожал плечами Леонид Анатольевич. – Бегать по городу и мысли слушать? Так эти "отморозки", может, уехали уже отсель куда подальше. И что толку в беготне этой моей?

– Вряд ли они уехали, я думаю. Залегли на дно – скорее всего. С таким количеством валюты особенно не побегаешь. Переживают. Спрятали добычу где-то опять же в одном месте. В гараже каком-нибудь и пасутся рядом. Не доверяют теперь ведь друг дружке. Психология, брат. Криминогенная. Они теперь, как привязанные к этим деньгам.

– Почему в одном? Могли разделить и, каждый теперича за свою долю трясется пади, – возразил Леонид Анатольевич, начиная проникаться важностью поставленной перед ним задачи.

– Не-е-е-ет. Тут ведь как. Когда добыча не поделена, так и не потратит ни кто, а значит не спалится. Соблазна меньше, стало быть. Думаю, что понимать они это должны. У каждого ведь ручки зудят и жизнью зажить красивой не терпится. Только понимают, что сейчас особенно бдительно отслеживаются солидные покупатели и происхождение средств, при оплате дорогостоящих покупок. Тут и секретные сотрудники задействованы и в кассы номера купюр разосланы. Конечно, все номера мы не знаем, но какое-то количество знаем. А они тоже про это знают. Значит, сидеть будут теперь тихо, как мыши под метлой. Профессионалы ведь. Вон как грамотно все обставили. Да расторопные какие. Воевавшие явно. Проверяем мы всех таких, но пока результат нулевой.

– Да я че? Да ради Бога. Только как пособилю-то, в толк никак взять не могу? Ну, мысли слышу, так ведь только когда совсем рядом человек. А в двух шагах уже ничего не слышать. Нето и спать бы, наверное, не смог. Соседи вон у меня шумные, парни молодые, допоздна бывает гулеванят. А ежели бы еще и мысли ихние через стену слышал, не дай Бог...

– Помочь вы можете вот чем, для ускорения следствия. Мы ведь сейчас множество людей проверяем и время тратим на эти проверки массу. Нужно ведь проверять незаметно, чтобы не спугнуть этого фигуранта, коль он из ЭТИХ. А с вами мы бы ускорились просто на порядок. Дадим вам список с адресами, проедетесь, пообщаетесь и галочки проставите. А на преступнике, коль обнаружите, крестик напротив фамилии и все, – Варфоломей Виленович, растекся в самой обаятельной из своих улыбок, как он думал, оскалившись вампиром зубными протезами. Взглянувший на него Леонид Анатольевич вздрогнул и спросил:

– А на работе я чего скажу? Коль вы меня дергать станете. Отпрашиваться? Так не пустят. Уволят к едреной фене. Зачем им такой сторож нужен, который гуляет, когда ему вздумается?

– Это мы договоримся. С начальством вашим. Отпуск вам выхлопочем внеочередной, оплаченный на месяц-другой, пока следствие идет. Переведем им деньги от МВД в бухгалтерию, чтобы не кочевряжились. Директора за шкуру прихватим. С этой стороны не беспокойтесь.

– Ага, а потом мне там как работать? Шипеть станут за спиной, что сексот. Вы мне лучше больничный сделайте, будто захворал я. Язва там или сломал будто чего. На месячишко. А там поглядим. Может, и выловите вы к тому времени разбойничков-то, – предложил Леонид Анатольевич, сокрушенно вздыхая.

– Хорошо. Больничный еще и лучше. Как я сам не додумался? Да у вас светлая голова, Леонид Анатольевич, а впечатление первичное производите простеца. Вы уж простите меня великодушно, что давеча подумал о вас не совсем деликатно.

– Да че там. Я уж привыкши. За столь-то лет. Не вы один лаетесь мысленно. Каждый второй, не считая первого. По первости бывало и в рыло бил. А потом смирился, остепенился и ежели слышу лай, так в ответ улыбаюсь. Они и утихают, – "Че, мол, с малохольного взять".

– А мне чего же на "лай" не улыбнулся, Леонид Анатольевич? Смотрю, уже и кулаки на стол выложил. Ну, думаю... – подмигнул лукаво Варфоломей Виленович.

– Да день с утра не задался чей-то. Моя-то велела в сберкассе забежать и счета оплатить коммунальные, а я в автобусе сумку забыл. Главное дело выскочил, сразу и спохватился. Мотор поймал и через остановку догнал. Только уж где там... Тю-тю. Теперича и дома скандал ожидает, а тут вы "идиот, дебил". Вот и осерчал малеха, – махнул рукой Леонид Анатольевич и пригорюнился.

– И сколько в деньгах ущерб? – посочувствовал Варфоломей Виленович.

– Пять тысяч рублей сперли и квитанции – главное дело, – вздохнул Леонид Анатольевич.

– А вот тут я вам могу посодействовать, – расплылся в улыбке Варфоломей Виленович. – Сейчас, через интернет все можно оплатить и квитанции распечатать. Адресок ваш давайте, – Варфоломей Виленович застрекотал по клавишам, вводя данные и, через пять минут из принтера выползли оплаченные квитанции.

– Это я со своего электронного кошелька проплатил, будете должны и отдадите, когда премию три миллиона валютой получите, – хлопнул он по-приятельски по плечу Леонида Анатольевича. – А теперь предлагаю закрепить наше будущее сотрудничество тандемное, походом в какую-нибудь кафешку. Я проставляюсь, в виду отсутствия у вас наличных. Дерябнем по кружечке пивка. Я знаю, тут неподалеку погребок есть уютный.

– А че. Пошли, дерябнем, – не стал привередничать Леонид Анатольевич и через полчаса они уже сидели в подвальчике, за столиком с пивными кружками и, отбросив официоз, именovali друг друга запросто Варфоломеем и Леонидом.

Глава 2

Пашка Васильев известный в определенных кругах, близких ему по мировоззрению людей, под позывным Кикс, проснулся необычно рано. В девять утра. От грохота перфоратора. Соседи сверху затеяли ремонт, наняли бригаду смуглолицую и рабочая смена у них началась.

– Козлы винторогие, – проворчал Пашка, поняв, что выспаться сегодня ему не удастся. В постель он упал далеко после полуночи и не потому, что принадлежал к категории сограждан, именуемых "совами", а просто работа у Пашки такая. Сутки через трое. Маркером Пашка в бильярдном клубе трудится. Отсюда и погоняло такое специфическое. Оно вообще-то Пашке самому-то не особенно нравится, так как любой бильярдист, знакомый с терминологией в этом виде человеческой деятельности, знает, что Кикс – это хреновый удар, подлежащий штрафу. Двойной удар, когда кий, попав по шару, успеваешь, сопровождая, добавить еще один и выдает характерный звук деревянный и для уха профессионального оскорбительный. Ни кто от этой ошибки не застрахован, даже опытные мастера случается, что киксуют, ну а у новичков это дело обыкновенное и они великодушно киксы друг другу прощают, тем более, что после такого удара шар катится, не туда куда хотелось, а куда попало. Уже наказан человек и чего еще его гнобить? Но кикс – это признак непрофессионализма и преодолеть этот начальный, киковый период, разным любителям бильярдного спорта удастся по-разному. Кто-то быстро учится бить правильно, а кто-то киксует всю жизнь. Пашка изживал из себя киксы так долго, что успел кликуху получить за это. Бильярдом он увлекся давно, лет десять назад и подсел на него, как на наркотики. Благоприятствовали этому увлечению и обстоятельства по жизни складывающиеся. У одноклассника – Мишки Коняева предок клуб раскрутил, на пару десятков столов размахнувшись и, разрешал им, тогда еще школьникам, катать шары на пустующих столах, сколько влезет, без оплаты. Надеялся предок, таким образом, отпрыска своего хоть чем-то увлечь и от уличной, экстремальной жизни оторвать. Ну, а Пашка вертелся рядом в качестве спарринг-партнера. В результате он-то и зафанател и даже Киксом стал, а Мишка напротив этот бильярд буквально возненавидел и при первой же подвернувшейся возможности, в жизнь экстремальную свалил, прямо из-под бдительного отчего ока. Тот и мигнуть не успел, глядь, а отпрыск уже на скамейку штрафную присел, в простонародье подсудимой именуемую и из-за прутьев на него виновато прижмурился. Корячилось Мишке лет десять от правосудия, но тут папаша раскошелился на адвокатов и судейских, не стал жмотничать и получил подсудимый Коняев по минимуму – пятеру. Так что пока Пашка шлифовал свое мастерство у стола бильярдного, Мишка валил лес где-то в Мордовии. Вернулся в этом году, возмужавший, с фиксами и погремухой уголовной – Конь. Отец Коня-Мишки попытался привлечь наследника и использовать в семейном бизнесе, тем более что разворотистым оказался Савелий Михайлович и успел за эти пять лет, пока сынуля пилой ширкал, открыть еще пару клубов, но... Отпрыск фиксами сверкнул и заявил, что "шары катать" не его призвание.

– И чего тогда тебе, гаденышу, от жизни этой надо? – осерчал Савелий Михайлович, принявший по случаю возвращения сына двести грамм горячительных и поэтому слов не выбирающий.

– Бабла и побольше, – откровенно признался отпрыск и весело заржал прямо в выпученные изумленно глаза папаша.

– И где ты его собрался нарубить, сукин сын, побольше? – завелся отец.

– Есть такие места, – авторитетно заявил Конь. – Там его валом. А с кием вон пусть Кикс вокруг столов прогибается. Ему это в кайф. Без обид, Паш? – Пашка, присутствующий на праздничном банкете, на правах школьного приятеля, пожал плечами: – Какие обиды, да в кайф, – а Савелий Михайлович, рюмку коньяка очередную маханув, чтобы слова сына перева-

рять и осмыслить, кулаком по столу хряпнул и выдал заключительное родительское резюме-благословление:

– Попадешься, если в этих местах опять, то хрен тебе, а не адвоката. Пальцем не шевельну и копейки ломаной не потрачу, чтобы тебя – гаденыша вытащить с кичи. Так и знай. Живи, а я погляжу, долго ли на воле, щенок, прoderжишься.

– Ни че. Обойдусь, батя. Ты только малеха сейчас подмогни, пока раскручусь. Я на шее твоей сидеть не собираюсь и на счет кичи не боюсь. На парашу я и сам не хочу. Займусь бизнесом бескриминальным.

– Каким это? – чуть не подавился грибом маринованным Савелий Михайлович.

– Закорешился я, батя, на зоне с челом одним. Перец резкий. Откинулись, опять же, одновременно. Так вот он тему хлебную предлагает замутить. Называется бизнес – Экстрим-досуг.

– Что же он на нары тогда присел, если "резкий перец"? – не удержался, съязвил Савелий Михайлович.

– На старуху-проруха, батя. Сел, потому что партнер по бизнесу подставил. Иуда рядом оказался. Никто не застрахован. Думаешь, у тебя рядом Иуды нет?

– Есть, – вынужден был согласиться Савелий Михайлович, взглянув на сына.

– Ну, вот, – расплылся в улыбке самодовольной Конь. Если судить по ней, бездумной, то жизнь дальнейшая на воле, виделась ему исключительно в розовых тонах с золотистыми оттенками.

– И что это за бизнес-экстрим такой, в котором лопатой бабло гребут? Позволь полюбопытствовать? Может, чего со стороны подскажу, – перевел разговор в иную плоскость старший Коняев.

– Не, батя. В этом бизнесе ты не советчик. Экстрим-досуг это... – Конь поскреб нос, размышляя как-бы это подходчивее, в тупые мозги отцовские выдать информацию и чтобы самому свои особенно при этом не напрягать. – Фильм тут по ящику недавно гнали, примерно на эту тему. Там, по сюжету, новым буржуйам нашим предложили отдохнуть пару недель в лагере. В зоне, со всеми прибабасами. В концлагере. Ну, охрана с винтарами, как положено. Овчарки, вышки караульные. Не смотрели?

– Видел я. И что? – застекленел глазами Савелий Михайлович. – Вы тоже концлагеря такие хотите открыть? Так там фильм вспомни, чем закончился для организаторов. В цистерну их с кислотой макнули. Трупы.

– Не, концлагеря мы открывать не будем. Западлю. Но идея экстрима-досуга именно такая. Клиент-буржуй, зажратый, платит и получает что-то вот такое экстремальное. В компании бомжей, например, может отдохнуть дней десять или этих... клошаров в Париже каком-нибудь задрипанном. Или в банде уличной где-нибудь в зачуханном Чикаго оттянется. Ну, а мы обеспечим внедрение, доставку и возврат. Договоримся, где надо, отмажем если что. Вот это бизнес. Не то, что шары ваши – свояк, чужак, блин.

– Ты думаешь, что найдутся придурки, которые в банды эти и к бомжам вшивым отдыхать побегут? – с сомнением покачал головой Коняев старший.

– Ого-го. Еще и очередь будет на полгода. Жизнь-то у бизнесменов пресная, скучная. Вот у тебя, батя, что за жизнь? Что ты видишь в ней кроме бильярдных? Ты где в отпуске был?

– Где, в Египте. Пирамиды посетил, – буркнул Савелий Михайлович.

– И что? Отдохнул? – подмигнул ему сын.

– А ты глазами не семафорь... Отдохнул и мать отдохнула. Вернулись, загоревши... И видели много чего интересного. Пирамиды, сфинксы эти... Море там, в Египете есть. Теплое. А ты чего советуешь? Чтобы я в драных портках бутылки по урнам собирал и от ментов по подвалам и чердакам прятался? Ни хрена себе отпуск.

– Зато после такого отпуска в Аду, батя, тебе твоя жизнь занудная Раем покажется. Восприятие усилится. Мне это все психологически кореш разжевал. Его Толян – Анатолием кличут. Даже у Пушкина про это стишок есть. Я наизусть запомнил. – "Все, все, что гибелью грозит. Для сердца смертного таит неизъяснимо наслаждение. Бессмертья может быть залог. И счастлив тот, кто средь волнений их обретать и ведать мог!". – Во как! "Неизъяснимо наслаждение". Удовольствие, значит. А за удовольствие нужно платить. А мы предоставим – Бизнес такой.

– Ну-ну, – хмыкнул Савелий Михайлович. – Ветер вам в задницу. От меня-то чего хочешь? Денег? Сколько?

– Совсем не много, пару кусков баксов, пока прибыль начнется. Я верну. В долг дай.

– Да мне две эти тысячи не жалко, хоть и не возвращай, – махнул рукой Савелий Михайлович, зацепив ей попутно коньячную бутылку. – Только не верю я в твой этот бизнес, и кончится у тебя все опять хреново. Есть у меня такое предчувствие. Кинет тебя твой партнер Толян или лягавые на нары пристроят, в конце-концов. Вы же с этим экстримом все время Закон пинать будете. Ох, посодют тебя опять, сынок, чуеет мое сердце.

– Не посодят. И пинать Закон мы не будем. Все в Законе замостырим. Адвокатов найдем, чтобы параграфы обсасывали, – самоуверенно заявил Конь, чокаясь с отцом.

– Ой дура-а-ак, – схватился тот за голову. – Куда лезешь? Сидел бы в клубе спокойно, в семейном деле и жил спокойно. Те же две тысячи баксов буду платить. Какой тебе нахрен еще экстрим нужен? Ты понимаешь, что такой бизнес сволочной, как ваш, чтобы раскрутить, сколько бабла нужно заслать сразу? А ты две всего просишь. Значит, на десятых ролях будешь при этом Толяне. Если бы ты сто или двести попросил, то я бы хоть и не дал бы, но может быть поверил, что там тебя серьезным партнером хотят видеть. А ты будешь затычкой и на побегушках. И эх! – Савелий Михайлович маханул стопарь и яростно захрустел огурцом.

– А я и не рвусь на первые роли, – нисколько не смутился отпрыск, маханув следом за ним рюмку коньяка и сунув в рот дольку лимона, продолжил, кривясь. – Мне Толян обязан. Я его от пики в зоне прикрыл. Он пообещал в долю взять. Десять процентов от прибыли. Пахать придется, как папа этот Карла, но зато жизнь не скучная. А не понравится если, то плюну, да уйду. Делов-то.

– Смотри, сын, – вздохнул Савелий Михайлович, поняв, что все его аргументы отскочили, от непробиваемого отпрыска, горохом. – Плюнуть если надумаешь, то приходи в клуб. Приму, куда денусь, но не жалобись тогда. Я предупреждал.

– Все пучком будет, батя, – расплылся в хмельной улыбке Конь и хлопнув по спине, молча слушающего их беседу Пашку, предложил ему:

– Давай, Кикс, и ты со мной. Что за жизнь у тебя? Серая ведь?

– Но, но... – приподнялся на стуле старший Коняев. – Ты мне это оставь. Парень на своем месте. Штуку баксов имеет, а я еще ему пару сотен теперь добавлю для стимула, чтобы тебя охламона не слушал. Пошли его, Пашуня, нахер с его экстримом.

– Пошел, Мишка, нахер, – послушно выполнил указание работодателя Пашка. Парнем он вообще был покладистым и конфликтов избегал.

– Го-го-го! – заржали в две глотки Коняевы отец и сын.

С Толяном – корешем зоновским, Конь впоследствии Кикса познакомил. Привел в клуб и попросил "поучить малеха шары катать". Толян, мелкий, но вертлявый как крысеныш, не понравился Киксу с первого взгляда. Глаза его прищуренные, шныряющие по сторонам и ладонь потная. Однако язык у "крысеныша" подвешен был как надо и тарахтел он им, не умолкая так ловко, что после первых двух часов "мастер-класса" Пашка мнение первоначальное слегка откорректировал, приподняв планку рейтинга кореша Коня. А жизнью потасканный Толян, заливался соловьем, тем более что слушатель ему попался подходящий. Немногословный, слушающий, открыв рот и в споры не лезущий. А Пашка, сразу поняв, что из Толяна

бильярдист может получиться, как из дерьма пуля, показал ему, как следует держать кий правильно и выставив пирамиду из шаров, разбив, объяснил кратко основные правила игры в "Американку" и на этом посчитав, что достаточно преподавал для первого раза, слушал молча зоновские побасенки, вежливо кивая и хмыкая. Жизнь за колючкой для него, там не побывавшего, была чем-то экзотическим и настолько отдаленной, как на другой планете, что он и не лез с репликами, хоть и понимал, что брешет Толян наверняка через слово.

– Да, братан, зона – школа жизни. Кто ее не топтал, тот и жизни не знает. А какие люди там сидят. Лучшие. Золотой фонд нации, – Толян прицелился и, мазнув по шару, вышвырнул его за борт. Пашка тормознув шар катящийся ногой, вернул его на поле и впервые усомнился в словах собеседника:

– Так уж и...

– Не веришь? Сам прикинь хер к носу. Кто сидельцы эти? Те, кому рамки общедозволенные тесны. Те, кто страх в себе задавил перед карательными всякими структурами. Человеки с большой буквы. Люди, которые нашли в себе силы преодолеть рабство быдлачье. И не просто задавить в себе раба этого поганого, но делом подтвердившие, что они не быдло, мужичье безропотное. Скотина серая. Такие дела люди проворачивали, тебе и не снилось, Кикс. И дело не в бабках. Понимаешь? Дело в том, что человек себя при этом выше рамок ощущает. Ему их начертили и чтобы не убег, всякие хитрые хреновины замостырили. Капканы – одним словом. Как волков флажками. А он все их обошел и смеется над вертухаями. Понимаешь?

– Так не обошел же. Попался, раз в зоне. Те, кто обошел, те на воле смеяться должны, – опять не удержался и возразил Пашка.

– Правильно. Соображаешь. Только эти-то вертухаи все новые и новые изощренные капканы выдумывают на нашего брата, вот и влетаем, чтобы ума набраться. Зато потом хрен им по рылу, а мы живем на воле и потешаемся над узколобыми. А от жизни берем все, что хотим и еще всеяро. Скажи, Конь.

– В натуре, братан. Ты, Кикс, зону не топтал. А там цементом понимание нужное получаешь. Помнишь у Достоевского про "тварь дрожащую" и "право имеющих"? Мы – право имеющие. А люди, брат, как ни крути – это травоядные в своей массе и хищники. Волки и овцы. Это всегда так было. Выбирай сам кем быть. Овцой трясушейся или волчарой, право имеющей у овцы этой скелет от мяса очистить, – выдал тут же реплику тот, сверкая фиксами.

– Что-то выбор у тебя того... Без разнообразия. – Скривился Пашка, которому, конечно же, овцой быть не хотелось, но и волчарой кровожадной как-то тоже. Он всегда предполагал, что есть еще варианты, кроме этих двух крайностей.

– Какое тебе еще разнообразие нахрен нужно? Все ясно, как у негра в заднице. Или ты стрижешь баранов, или тебя, как барана имеют. Только быдло слов всяких разных себе в утешение понапридумывало, чтобы не стремно было. Любовь там к Родине. Долг. Семья. И прочая хрень вроде бога, который все видит и за грехи в Ад сунет после смерти. Ха. Блевотина это все, Кикс. Поверь на слово. Я уже кой-чего видел, – завелся Конь.

– И Бог – блевотина? – спросил Пашка, который откликнувшись на веяния времени, носил крестик на шее и заходил раз в год в храмы свечку поставить.

– Причем самая блевотная. Разводят лохов попы уже две тысячи лет на этой баланде и стригут баранов. Вот как их называют? Пастыри божии. Пастухи, если проще. А паству они свою как называют? Овцами и называют. Баранами в общем. Что не так скажешь?

– Называют так, но не оскорбительно и насильно никого не волокут к себе и не стригут силой тоже. Пожертвуешь если сам или за услугу им заплатишь. Венчание там, к примеру, – возразил Пашка.

– Ты что верующий что ли? – вытаращился на него Конь. – Ну, бли-и-и-и-и. Никогда бы на тебя, братан, не подумал такое. Что попадешься на этот лохотрон. Ну, ничего. Жизнь ума

добавит, а я рядом всегда и займусь тобой, век воли не видать. Дурь эту из тебя как-нибудь вытрясем.

– А если я не хочу трястись?– окрысился Пашка, которому не нравилось, что его выставляют лохом.

– Ты в ослепление. Потому что вера эта, как норкота. А мы трясти и не будем. Тебя жизнь встряхнет. Тогда побежишь к своему богу, а Он тебе фигу под нос, а не помощь.

– Почему фигу? Может, как раз не фигу, а помощь получу,– уперся Пашка.

– Закатай губищу, братан. Нет никакого бога, я точно знаю. Выдумки попов хитрозадых он.

– Как это ты выяснил?– удивился Пашка.

– Да проще простого. Любой может в момент выяснить. Попы что про него говорят? Что Всемогуший и Вездесущий. Правильно?

– Ну, говорят. И что?– согласился Пашка.

– Значит, если он есть, то сейчас нас слышит. Правильно?

– Ну, наверное,– вынужден был согласиться Пашка.

– Слышит, значит и все при этом может. Вот и проверяем. Эй, Бог!– рявкнул, задрал подбородок в потолок Конь.– Накрой-ка на стол чего-нибудь пожрать и денег подсыпь лимонов десять баксов,– выкрикнув пожелание, Конь уперся в бильярдный стол руками и, подождав минуту, торжествующе взглянул на Пашку.

– Ну, что? Где жратва и бабло? Потому что нет никакого бога, поэтому и не может он ничего. Доказал я тебе?

– Ничего ты не доказал,– буркнул Пашка.– Бог что, обязан перед тобой шестерить? Западю ему может? А? Вот ты если вон Толяна попросишь стол хавкой завалить и денег тебе скольконибудь отстегнуть, а он тебя нахрен пошлет, то его что тоже тогда нет?

– Тебя, я смотрю, на кривой козе не объедешь, братан,– удивился Конь, почесав лоб.– Уел. Бог, конечно, шестерить не станет, если он есть. Тут ты прав. Так что он молчит тогда? Вон, если я чего у Толяна спрашиваю, так он отвечает, потому что есть он. А этот молчит, как рыба. Короче, нет его и закрыли тему.

– Это у тебя Его еще нет. А у меня уже есть,– буркнул в ответ Пашка.

– Ладно, не дуйся. Фигня все это, Паш. Есть, нет. Мы-то есть точно? И дружбаны? Значит, жить должны дружно. Ставь пирамиду, сейчас я тебе задницу надеру. Вспомню, где лузы. Фору хочешь два шара? Ставлю столик, что раскатаю,– свел на шутки-прибаутки полемику религиозную Конь и весело заржал, заставляя задуматься о том, что погоняло ему навесили в зоне не только за фамилию.

Партию, разумеется, Конь выиграть не смог. Раскатал его Пашка с кия, даже и фора не потребовалась, в сухую и стодолларовую бумажку из рук приятеля забирая, поинтересовался:

– Как бизнес ваш?

– Нормально, Кикс. Ты, я смотрю, наблатыкался за пять лет прошедших. Впору мне у тебя просить фору шаров пять,– фразу последнюю произнес Конь явно для ушей Толяна, намекая на то, что было время, когда Кикс у него фору выпрашивал. Пашка промолчал, хмыкнув не определенно. Случаев он таких припомнить не мог и отнесся к словам приятеля, как любой профессионал в чем либо, к словам дилетанта – снисходительно.

– А бизнес – хоккей. Сейчас таких заказчиков денежных цапанули... Бабла, как у дурака махорки,– подмигнул Конь Толяну и тот расплылся в улыбке, прищулив крысиные глазки.

– Зря ты к нам не хочешь, брателло. Усохнешь тут. Молодость пройдет, вспомнить нечего будет. Загнешься, а бог твой тебя спросит типа,– "Ну че, Паша, чем занимался всю жизнь?" Что ответишь тогда? Я шары всю жизнь катал? А он тебе,– "Дурилка ты картонная, жизнь профукал, а ведь были рядом умные люди, советы давали, варианты интересные предлагали",– Что ответишь?

– А чего отвечать? Жил и жил. Никому не гадил, – пожал плечами Пашка. – И не только по шарам стучал, а кое-что еще делал. Я, пока ты в зоне парился, в армию успел сбегать. Так что не все пять лет шары катал, а четыре. Женюсь, наверное, скоро, если Настя не передумает. Семья будет. Что еще-то?

– Ну, ты малахольный Пашка, – хлопнул его снисходительно по плечу Конь. – Приземленный ты какой-то. Женюсь. Семья будет, – передразнил он. И на что содержать семью собрался? Жить где будете? У твоих предков, кроме тебя еще двое вон, а квартирка трешка. Какая семья, блин?

– Снимать будем, если что. Накопим, купим свою, – попробовал возразить Пашка.

– Снимем, накопим. Сто лет ты будешь копить на квартиру при нынешних ценах, на нормальную если. Нормальная, сегодня миллионов десять рублями стоит. А ты зарабатываешь в год... – Конь достал мобильник и нашел функцию калькулятора. – ... умножаем, делим. Во, двадцать лет получается копить нужно. Это если вы с Настенкой хавать не будете и одежду покупать. А ты снимать будешь хату и половину суммы за нее платить. Значит, сорок лет нужно копить. Такая арифметика.

– Так и Настя тоже будет работать, – Пашка сконфуженно скривился. "Арифметика" ему не понравилась.

– Ну да. Это я забыл сосчитать. Значит, на питание ее зарплату будете тратить и, сорок лет всего потерпеть придется без своей конуры, – рассмеялся Конь.

– А у вас, можно подумать, вы мне вдесятеро отвалите, – насутился Пашка.

– А у нас оплата сдельно-премиальная. Сколько сможешь, столько и нарубишь. Вертись, знай. Нашел клиента, организовал ему досуг и получи свой процент от сделки. Все честно. Можешь и за год на хату приличную нарубить.

– Свистишь? – не поверил Пашка.

– Не веришь? Зуб даю. Толян, скажи свое веское слово.

– В натуре. За год может и не нарубишь, потому как опыта нет наверняка коммерческого, а года за два точняк, – откликнулся Толян.

– Думай, Кикс. Такие предложения раз в жизни делают, – похлопал его по плечу на прощанье Конь.

И вот Пашка-Кикс думал уже вторую неделю. Попытался посоветоваться с родителями, но они и эту его работу работой не считали, а когда услышали, чем предстоит заняться на предложенной Конем-Мишкой, особенно узнав, что от него предложение исходит, так просто взвыли протестующе оба. Отец басом, мать тенором.

– Не вздумай, сын. Не гонись за легкими деньгами. Кого ты слушаешь? Мишку Коняева? А где он был последние пять лет? Что-то мы его не видели? Ах, в тюрьме был. А вот там, я слышал, вообще бесплатно все и еда и ночлег. Коммунизм, – это отец Вячеслав Владимирович в остроумии попутно решил поупражняться.

– Посадят вместе с этим Мишкой непутевым. Разве он что толковое может придумать? Двоечник и хулиган всей школе известный, – это мать Пашкина Вера Сергеевна вспомнила школьные годы. Она-то до сих пор в начальных классах преподает и судит о людях соответственно их поведению в те годы сопливые. О тех, кто через ее учительские руки прошел. Ошибается, кстати, редко. У сестренки младших совета естественно Пашка спрашивать не стал, поинтересовался мнением Настены. И она оказалась единственным человеком, который посоветовал предложение Коня-Мишки принять.

– Нормальный бизнес этот экстрим, Пашунь. Читала я в сети про фирмы такие. На Западе процветают. У нас о такой первый раз слышу. Почему нет? Тем более, что оплату достойную предлагают. Ну, а если почувствуешь, что нечистое что-то, то уйдешь и все. Кий твой от тебя никуда не денется и Савелий всегда тебя с радостью обратно примет, если что. А квартирку бы нам с тобой метров на двести свою получить... Ох!!! – Настена пригорюнилась, подперев

кулачком подбородок за столиком кафе и Пашке стало ее жутко жалко и стыдно одновременно перед ней, что вот такой он "голь перекатная", но на всякий случай возразил все же:

– Зачем нам такая огромная?

– Огромная?– вытаращила на него глазищи Настена и Пашка понял, что для таких глаз не такая уж и огромная.

– Боюсь я, Насть, что подставить могут. Повесят гадость какую-нибудь и пойдешь потом паровозом. Мутный все же бизнес какой-то.

– Не подписывай ничего, кроме ведомости платежной,– нашла компромиссное решение дама сердца и, прильнув к плечу Пашкиному, промурлыкала.– Ты же у меня вумны-ы-ы-й.

– Вумный,– вздохнул Пашка.– Ты бы рожу этого Толяна видела. Крысиная.

– А что тебе его рожа? Его рожа – его проблема, Паш. Не парься. Я бы на твоём месте попробовала. Не предлагают что-то ничего такого.

– Ты учись, давай. Один курс всего остался и диплом. Не предлагают ей, видишь ли. Пусть только ктонибудь попробует предложить такое, ноги выдерну,– нахмурился Пашка.

– Кому ноги? Мне?– всполошилась притворно Настена.

– Всем остальным. Твои нельзя, я их вместе с тобой люблю,– буркнул Пашка.

Мнение подруги оказалось весомее родительских и Пашка, позвонив Коняеву после разговора с ней, договорился на сегодня и подъехал по указанному адресу. Правда, гостарбайтеры своим перфом подняли раньше времени, но нет худа без добра. Проспал бы еще. А Пашка опаздывать не любил. В общем, подъехал вовремя и удивился, когда оказался во вполне приличном офисе.

– Что тарашисься? Думал, мы в сарае сидим?– протянул ему руку Конь, вырядившийся в костюм с галстуком и вполне походящий на мелкого чиновника.– Все по-взрослому у нас, брат. "Экстрим-досуг" – фирма солидная. На века создаем. Пошли в мой кабинет.

– У тебя свой кабинет есть?– Пашка совсем растерялся, не веря своим ушам.

– Есть и у тебя будет, если шутаться перестанешь. А ты думал я тут на ящике из-под стеклотары, на коленке контракты составляю? Эх, Паша, я тут технический директор. Я все организовываю. Без меня тут сразу коллапс настанет. Звиздец всему, если попросту. И мне зам нужен. Помощник. Зашиваюсь один. Ноги к вечеру гудят. Бросай ты ко всем чертям моего папахена и вали ко мне. Я ведь подожду, подожду и найду кого-нибудь другого. Просятся тут. Тогда уж извини, только менеджером низовым, с окладом, конечно, поболее, чем у тебя сейчас раза в три, но в замах-то ты поболее имел бы. Не жуй сопли, Кикс.

– А чего это пусто как-то у вас?– огляделся по сторонам Пашка, проходя по коридору вслед за Конем в его кабинет.

– Все в движении, Кикс. Вон, дежурная телка сидит, на телефоне контактном и принимает предварительные заявки. А все остальные работают в поле, как говорится. Ну и я здесь. Толян опять же у себя. Вот его нора,– ткнул в дверь, мелькнувшую мимо, Конь.

Кабинет у Мишки-Коня оказался крохотным, размером с чулан, но с окном и стол канцелярский с двумя креслами в него влезли.

– Садись. Тесновато, правда, но мне тут сидеть почти и не приходится. Чай, кофе?– Конь включил электрочайник и, улыбнувшись довольно, развалился в кресле вращающемся.– Ортопедическое, десять штук стоит,– не удержался и похвастался он. Затем спохватился и принялся выставлять на стол кружки.– Чифирнем и побазарим заодно,– объявил он программу неформальной встречи.– Окей?

– Да я дома позавтракал полчаса назад,– замаялся Пашка.

– Тогда, так посиди. А я чифирну,– Конь высыпал в кружку полпачки чая и залив ее кипятком из чайника, вытащил из стола мини кипятильник и, сунув его в кружку, принялся колдовать, размешивая получившуюся смесь им же. Доведа смесь до кипения, он выдернул

кипятильник, потом опять включил и так раз пять, пока половина содержимого из кружки не растеклась по столу.

– Все, харе. В самый раз,– Конь швырнул кипятильник обратно в ящик стола и, смахнув выплеснувшуюся заварку ладонью на пол, вытер руки об оконные шторы, удобного серого цвета, слегка прикрывающие оконный проем. Даже свежие мокрые пятна на них были почти не видны. Высохшие, предыдущие наверняка, тем более.

– Ынц-ынц и готово,– Конь, примял ложкой заварку и с блаженным выражением, сделал первый глоток.– Кайф, кто не понимает. Ну, так че ты решил?

– Пока ничего,– пожал плечами Пашка.– Хотелось бы узнать, какие, ну там, обязанности у меня будут, ну там, как с оплатой подробнее и рабочий день как?

– Перестраховщик, ты Кикс. На готовенькое хочешь заползти место теплое. Понятно все с тобой. А самому такое место слабо согреть? У нас сдельно-аккордная оплата. Я же тебе уже базарил в клубе. Берешь коммерса-буржуя и пасешь его весь его экстрим-отпуск. Получаешь в конце свои проценты. Как мой зам будешь иметь тридцать процентов. Третью считай. Десять штук вполне можешь окучивать в месяц. Это если выезжать далеко не надо в командировки. Будет у тебя в подчинении человек пять отморозков на все способных, с ними и будешь пасти клиента. Гарантами ему будете, чтобы экстрим-отдых без летальных последствий прошел. Работа, конечно, нервная, рискованная, беспокойная, но зато бабло сыпется само на карман. А главное, что опекать нужно клиента ненавязчиво, чтобы он вас не усек. Усекаешь?

– Нет,– честно признался Пашка.

– Ну, ты, тормоз. Ненавязчиво – значит незаметно. Чтобы кайф фраеру буржуйскому не обломать. Он должен почувствовать стопроцентное погружение в экстремальную среду обитания. Маячок, правда, мы на него навешиваем и камеры слежения суем там, сям по ходу. Но за ним следуем скрытно. Есть у нас уже три такие транспортные единицы. Пикапчики такие. В них и дежурить придется. Ничего. Зато бабки быстро на квартиру соберешь. И потом, мы ведь только начали, поэтому руководство само бежит, а потом расширимся и будешь только контрольные функции исполнять. А проценты те же. Просекаешь?

– Ну, почти,– кивнул неуверенно Пашка.

– Тогда так давай. Поработай недельки две с одним клиентом и потом решишь, годится тебе такая работа или нет. От папахена моего можешь на это время не увольняться. Возьми отпуск у него за свой счет на это время. Если не понравится у нас, вернешься к нему. Понравится, остаешься. Годится так?

– Давай, попробую,– согласился Пашка. Конь явно шел ему навстречу, как приятелю и подвохов никаких пока он в его словах и поступках не видел.

– Завтра и начинай. Утром подгребешь, с бригадой познакомишься и вперед. Пока как стажер будешь. У них свой бугор. Он тебя в курс в основном и введет.

Две недели стажерские для Кикса пролетели так быстро, что он и опомниться не успел, как по окончании их уже подписал постоянный контракт в кабинете у Толяна. Помещение у него было посolidнее, чем у Коня и обставлено с претензией на элегантность, так что впечатление на Пашку сумело произвести благоприятное. Да и сам "крысеныш" в этом интерьере и рубашке белой с галстуком, выглядел как-то убедительно и можно сказать солидно.

– Как тебе наш бизнес?– спросил он Пашку, сунув ему свою влажную, вялую ладонь, которую тот пожал с внутренним отвращением, подумав,– "Помыть срочно и с мылом".

– Вполне. Только я не понял, за что эти придурки деньги такие платят. Этот-то, которого мы выпасали, мог и сам к бомжам сунуться и бесплатно хоть год у них жить. Еще и морду ему там пару раз начистили. А он по штукарю, я слышал, в сутки отстегнул.

– Платит, потому что мы его ангелы-хранители. Гарантия, что мордобой белыми тапками не закончится. И не по штукарю, а по два. У богатых свои причуды, Кикс. Им поплакать в кайф. Ты рожу вспомни этого клиента в начале отпуска и в конце.

– Да, уж,– улыбнулся понимающе Пашка.– Сонная была, когда в первый день я его увидел. А когда прощался, то дергался и по сторонам озибался.

– Во-о-от. За это и заплатил. За адреналин. Только ты-то в самом простом экстриме участие принял, а у нас есть и покруче сценарии. За них клиент и по пять косарей зеленых слюнявит в кассу.

– Ну да!– не поверил Пашка.– Это куда же вы их суете?

– Поработаешь, сам увидишь. Мы не повторяемся. Творческий подход к каждому клиенту практикуем. Учитываем его психологический этот...– Толян поскреб лоб.-... Чего мы там учитываем, Михаил Савельевич?

– Психотип учитываем, Анатолий Дмитриевич,– подсказал Конь, присутствующий в кабинете.

– Ага... этот психотип. Ну, темперамент там и прочие параметры гороскопные. У нас для этого свой психический мазилка привлечен. Проходят клиенты предварительное собеседование у него перед отпуском. А он рекомендацию потом нам пишет. Что этому кренделю можно, а чего нет. Ну и учитываем пожелания заказчиков, в рамках Закона, заметь. У нас и адвокат-тишка локтями елозит с самого первого дня. Шустрый такой. УК.РФ. наизусть цитирует. Сам проверил. Наум Рафаэлевич. Тебе с ним общаться частенько придется. Слушай, что будет базарить и ни шага в сторону.

– Солидно подошли,– вынужден был согласиться Пашка.

– А ты думал. И заметь, всего два месяца работаем. А что через пару лет будет? Да мы тут миллионами будем жонглировать, чтоб мне тюремной баландой захлебнуться. Подписывай и гордись, что вливаешься в нашу корпорацию. Подфартило тебе, Кикс. Джекпот этот... Бинго выдернул у судьбы косорылой,– Толян сунул под нос сидящему Пашке пару листов печатного текста.– Распишись там, где галками помечено и ты в шоколаде.

Пашка принялся читать контракт под ироническими взглядами двух пар глаз и, не выявив подвохов в условиях, подписал.

– С бригадой будешь работать с той же, только бугра мы на другую тему перекинем. Теперь ты у них начальник. Давай, кореш, дерзай и неси в клюве бабло в закрома,– напутствовал его Толян – Анатолий Дмитриевич.– Ни пуха тебе, ни хера.

И начал рубить Пашка бабки, только треск пошел. Так ему казалось, когда он расписывался в очередной платежной ведомости. Работа, конечно, беспокойная до предела и выезжать несколько раз в другие регионы страны приходилось, так что с Настеной они виделись теперь редко. А когда после первого месяца разлуки она увидела его, так буквально запричитала:

– Ой, Пашенька, похудел, осунулся, круги под глазами. Ты что не спишь совсем и не кушаешь?

– Ненормированный рабочий день. И спать урывками иногда приходится и перекусывать как попало. Работа такая, Насть. Зато уже пять тысяч отложил на квартиру. Пару лет можно и потерпеть. Привыкну. Парни вон – напарники мои, говорят, что первый месяц тоже худели и бледнели, а потом привычка появляется и организм все восполняет,– успокоил любимую и прямо из-за ресторанного столика, где с ней ужинал, умотал в очередную командировку в славный город Севастополь. Это Украина, кто не знает. В Крыму. То есть за рубежом теперь.

В заграничном украинском городе-герое Севастополе его ждал очередной экстрим, расписанный в сценарии для очередного "денежного мешка".

Став иностранцами украинцы еще не успели окончательно утратить за прошедшие годы сермяжный менталитет и если бы с экранов телевизоров не "разговляли" на "ридной мове" дикторы, то Пашка и разницы бы не понял. Те же проблемы и матершина проскакивает насквозь русская, от которой, кстати, самостийники открестились, повесив ее родимыми пятнами исключительно на край осиново-березовый. Забыв напрочь, что Киев – мать городов русских. Или отец? В общем – ближайший родственник. Ну, а если папа с мамой не матершин-

ники, то дети-то откуда все эти словеса заковыристые узнали? А главное погибают через слово нормальное по несколько кряду, этажи из них громоздят. Загадка этнопсихологическая, впору поручить какому-нибудь профессору Похлебкину исследование провести, чтобы прояснить этот вопрос окончательно. Как с водкой. Правда, с водкой поляки бучу подняли и чуть народ русский не лишили сомнительного права, гордиться изобретением этого напитка. Так ведь сумел же вышеназванный профессор доказать, что ляхи не правы. Покопался в пыли архивной и заткнул рот соискателям. Нашел документы, убойно доказывающие, что Польши и в помине не было на картах географических, а русские уже водку из самоваров ведерных после бани ковшами хлестали, так и, называя – ВОДКА, а не горилка там какая-нибудь или, не дай Бог, виски. Вот так же и с матерщиной нужно изыскания провести. А вдруг эти слова брендовые и не в России появились, и даже не на Московской или Владимирской Руси свое начало берут, а как раз из Руси Киевской вылупились и до наших дней благополучно доколдыбали.

Ну, самостийники с их трезубцем, все больше в западных областях "незалижной" кучкуются и возможно, что общаются между собой исключительно цензурно, а вот в славном городе-герое Севастополе народ уже на вокзале железнодорожном, встретил Пашку с бригадой, родным, хоть и не замысловатым увы, матерком.

– Поберегись, мать вашу за ногу, – вежливо попросил бригаду посторониться грузчик, с ворохом чемоданов на тележке. Сопровождающий семейство, прибывшее отдохнуть "на юга". Явно откуда-то с очень крайнего севера. Если по белизне лиц судить, то с какого-нибудь полуострова Ямал. Поезд скорый Санкт-Петербург – Севастополь прибыл в конечный пункт ранним утром и перрон заполненный, выползшими из вагонов сонными пассажирами, наполнился стуком каблучков, шарканьем подошв и гулом голосов.

Глава 3

Варфоломей слово свое сдержал и больничный Леониду организовал на другой же день. Сам, с утра пораньше, лично бумажку с печатями поликлиники домой и привез.

– Язва у тебя двенадцатиперстной кишки, лежишься на обследование. Звони на работу, ставь в известность руководство, обрадуй.

– О как. Скоренько,– удивился Леонид, у которого день был выходной, а на работу нужно было выходить завтра с утра.

– Мы, Леонид, тоже кой, в чем профессионалы,– улыбнулся довольно Варфоломей.– Можем и с отморозками посоревноваться.

– Бумажки оформлять? Эт да. Тут им не светит. Фору можете дать,– согласился Леонид, а Варфоломей поморщился и возразил:

– Не только бумажки умеем оформлять, но бегать и стрелять, например, тоже.

– Интересно бы было на такие соревнования командные посмотреть,– подмигнул ему Леонид.– Кто, к примеру, скорее броневик выпотрошит. Команда полицейев, аль мазуриков.

– Да не называй ты нас полициями уже,– нахмурился Варфоломей.– Обидно это у тебя как-то получается. Пренебрежительно. Лучше уж по-старому ментами дразни.

– А за каким хреном название поменяли? Семьдесят лет при советской власти полицию оплевывали в пропаганде, а потом... Это в какую же тыкву идея такая пришла? Народ что ли позлить так решили? Так он и так вон весь на нерве.

– Известно, в какую голову,– Варфоломей ткнул пальцем в потолок.– А насчет соревнований... У нас, брат, эти соревнования каждый день и так проводятся. ЭТИ бегут, мы догоняем. Скоро изнутри все увидишь. Вот тебе списочек, держи,– сунул он Леониду два листа с компьютерным текстом.

– Ого!– оценил тот объем предстоящей работы.

– Это не "ого". Это сотая часть всех потенциально подозрительных. Если бы я весь список припер, то тогда бы было "ого-го". Здесь все пропечатано о фигурантах этих. Где живут, работают. По районам города скомпонованы. Пока займемся нашим – Василеостровским. Я на машине и к первому объекту, под номером один, подброшу. Грамотно список составлен. Или живет, или работает подозреваемый в нашем районе. Ну, ты-то днем будешь работать, так что тебе домашние адреса и без надобности. Звони сразу, если что. Я на твой номер деньги положил, а это на оперативные расходы. На транспорт, еду и прочие удовольствия,– протянул он Леониду пару тысячных купюр.

– А прочие – это что значит?– тут же влезла с вопросом, слушающая пока следователя молча, супруга Леонида – Галина.

Расположились муж с гостем ранним на кухне и она, обеспечив их горячим чаем, присела тут же.

– Прочие, Галина Ивановна – это жажду утолить, мороженого порцию скушать. А вы что подумали?

– Я ничего такого...– засмушалась Галина Ивановна, которую так никто до дня сегодняшнего пока не величал.

– Я ведь правильно понял, что у вашего супруга от вас секретов нет?– Улыбнулся ей Варфоломей.– Просьба у нас к вам. О содержании нашего с ним разговора ни кого не информировать. Муж ваш, Галина Ивановна, привлечен Государством для важной работы по изобличению опасных преступников и если они об этом узнают, то непременно постараются помешать ему, вплоть до физического воздействия.

– Ох,– обомлела Галина.– А без Лени никак?

– Никак,– развел руками сожалеюще Варфоломей.– Без него уже месяц избоблачим и никак. А преступники-то, отмороженные на головы, народу невинного сколько уже перебили... Вот сами и рассудите.

– Да я-то что... А они Ленью не перебьют?– забеспокоилась Галина.

– Под прикрытием он у нас будет работать и если никто им на него не укажет, то они и не догадуются, что он на нас работает. А про это только два человека знают. Я и вы. Так что убедительно вас прошу. Ни кому. Прямо забудьте. Заболел ваш муж и язву лечит. Ходит, анализы сдает. Понимаете?

– Понимаю,– всхлипнула на всякий случай Галина и погладила мужа по голове.– Ты там, Лень, осторожнее, не высовывайся из-под прикрытия особенно.

– Ладно, не высунусь ни разу,– успокоил супругу Леонид.– Поехали что ли? Чего сидеть? Тебе, пади, тоже на службу пора?

– Пора, пора,– согласился Варфоломей.– Эх, опасна и трудна и на первый взгляд как будто не видна,– процитировал он, не удержавшись.

– Да, она у вас и на второй не особенно чтобы видна,– тоже не удержался и съязвил Леонид.

– Напрасно, напрасно ерничаешь. Вот побегаешь в нашей-то шкуре, тогда и узнаешь почему у нас фунт лиха. Поймешь тогда каково... Не видна, на второй или как. Обязательно напомню я тебе, как ты тут язвил,– мстительно пообещал ему Варфоломей.

Первый подозреваемый оказался работником автосервиса и его Леонид разыскал без проблем. Автослесарь Вася, добросовестно копался в движке сданного клиентом в ремонт автотранспортного средства марки Фольксваген и на приветствие Леонида, обернувшись, ответил довольно жизнерадостно:

– Здорово, мужик. Тебе чего?

– Хотел узнать, вам работники в охрану не требуются. И сколько платят тут?– выдал заготовленную версию Леонид.

– А чего ко мне? Я тут ничего не решаю. Это вон к буграм,– блеснул зубами Вася.

– Так я подумал, чего зря начальников терзать. Если нужны люди, то наверняка все про это знать должны. А к буграм чего соваться? Они правду про ваши порядки, наверняка, хрен расскажут. Обещают-то всегда горы, а потом глядь, а там хрень одна голая.

– Это точно. Обещают суки...– помрачнел сразу Вася.– А потом... Налоги, пакет социальный, страховка... Наплетут, а домой несешь копейки. Ты погоди малеха, скоро я отсюда уволюсь и, место точно будет одно рабочее,– обнадежил он Леонида.

– Не-е-е-т. Я слесарить не умею. Я сторожем, сколь себя помню, работал,– вздохнул с сожалением Леонид.

– А чего тут уметь?– удивился Вася.– Научишься. А в охрану нам вроде не нужен ни кто. Ходят вон с дубинами. Видишь морду в пятнах, зевотой давится? Егоркой кличут. Подойди к нему и узнай. Рядовой сторож, не бугор. Он тебе все лучше меня разжует.

– Спасибо,– сделал вид, что обрадовался Леонид.– Обязательно с Егоркой поговорю, хреново без работы-то.

– Выперли что ли?– задал дежурный вопрос Вася, нырнув в глубины подкапотные и потеряв уже интерес к случайному собеседнику.

– Не, сам ушел. Я инкассатором работал в банке. А тут в прошлом месяце наших постреляли отморозки какие-то, вот супружница и достала нытьем,– "Уходи, да уходи, детей сиротами хочешь сделать...".– Баба-дура, а где-то права в общем.

– Ну-у-у,– высунулся Вася.– Видел по телеку. Сто лимонов там у вас вроде сперли... эти-то?

– А хрен его знает сколько,– теперь Леонид потерял интерес к Васе, сняв с него подозрение.– Извини что отвлек, будь здоров.

– И тебе не кашлять,– разочарованно ответил Вася и, плюнув, ушел в курилку. Сравнив свою зарплату сдельно-аккордную со сдельно-аккордной налетчиков. Разница получилась такая, что без калькулятора не подсчитаешь.

Егорка в списке у Леонида не значился и с ним он знакомиться не стал, отправившись к следующему подозреваемому под номером вторым. Составители списка проявили и здесь профессионализм несомненный, разместив подозреваемых в порядке удаленности друг от друга. Второй трудился в двух шагах от первого, на той же линии Васильевского острова и был можно сказать коллегой Леонида. Торчал на КПП заводском. Звали парня Федором Никифоровым и, напротив его фамилии Леонид увидел восклицательный знак и приписку от руки.– "Служил в ВДВ – снайпер". Пометки такие сделаны были рукой Варфоломея почти напротив каждой фамилии, но вот со знаком восклицательным было всего две. Федя этот и в конце самом под номером пятнадцатым, еще один удостоен был этого знака препинания. Тоже снайпер и тоже ВДВ. Звали, правда, Виктором.

– Снайпер. Чего это Варфоломей им знак этот поставил?– пожал плечами Леонид.– Где там снайпер был нужен? Сам снайпером отбарабанил два года. Шмальнуть в упор из пистолета в охранника, любой придурок не промахнется. Эх, Варфоломейка, че-то ты не то чирикаешь тут,– Леонид впился глазами в фото подозреваемого. Их составители тоже добросовестно разместили сразу за номерком порядковым, но мелковатые по размеру, явно из паспортов. Еще и размытые при ксерокопировании они не совсем были удобны для идентификации личностей, но вот Васю Леонид по этой смутной физии сумел вычислить с одного раза.

– Эх, мать вашу, профессионалы,– скривился недовольно Леонид.– Натуральные могли бы подклеить, коль паспортные столы прошерстили. Что вот за морда лица тут. Вон две такие навстречу идут, а за ними еще три таких же,– сунув бумаги оперативные в карман внутренний кожаной куртки, он сориентировался и направился к проходной заводской с гостеприимно распахнутой входной дверью, через которую народ сновал довольно интенсивно. Дождь осенний, морозящий с утра, прибавив вдруг каплям размер, стал вполне полноценным и Леонид, ускорив шаги, нырнул под козырек над входной дверью заводской проходной. Лихие девяностые, этот монстр социалистической промышленности, сумел пережить вполне благополучно. Рухнув пару раз в банкротство это предприятие каким-то чудом сумело превратиться в монстра капиталистического. На базе этого чудовища появилась корпорация, успешно собравшая под свое крыло десяток менее удачливых собратьев и вакансии, разумеется, здесь искать было бесполезно, но Леонид имел право об этом не знать, поэтому приоткрыв рот, озираясь по сторонам. Увидев сидящих у столика двух парней в куртках с логотипом фирмы, он направился к ним и с простотой деревенской спросил, присев на свободный стул:

– Здорово, мужики, вы здесь пашете?

– Ну?– взглянул на него "мужик" постарше выглядящий.– Здорово. И что?

– Так это, хотел узнать, вдруг вам в охрану боец нужен,– расцвел в улыбке простецкой Леонид.

– Ты что ли "боец"?– хмыкнул второй "мужик", скептически оглядывая сидящего Леонида.

– А что? Я, между прочим, в войсках дяди Васи два года стропы парашютные тянул и лет мне пока всего сорок. Чем не устраиваю?– обиделся искренне Леонид.

– Да нам вообще-то по херу, будь ты хоть Чак Норис. Нормально выглядишь, в самый раз, только не нужны нам бойцы здесь. Может в филиалах. В отдел кадров сходи. Вон, видишь телефон на стенке, а рядом в рамочке список телефонный. Звякни и тебя сразу или постепенно пошлют. К нам так просто с улицы не забежишь. Рекомендации есть? Где раньше работал? Че ушел-то? Не те времена, мужик, чтобы бегать с места на место,– перекопился тот, что постарше.

– А че звонить, коль все одно пошлют?– вздохнул Леонид горестно.– Какие нахрен рекомендации? И лапы волосатой тоже нет. В банковской охране я работал.

– И за что выперли? Чего накосячил? Там вроде и платят, будь здоров, побольше, чем у нас,– спросил тот, что помоложе.

– Там еще и мочат, будь здоров,– вздохнул опять Леонид.– Про броневики-то слышали расстрелянный? Наш был.

– И ты сдрейфил?– взглянул на него холодно тот, что постарше.

– Че сдрейфил сразу? Жена против. Уходи, говорит, с этой опасной работы или я уйду,– выдал Леонид дежурную версию, уже сегодня озвученную успешно в автомастерской.

– Подкаблучник что ли?– среагировал первый "мужик" тот, что постарше и подумал, вдогонку фразы,– "Мудак видать. Шел бы в..... к своей бабе".– Нецензурно в общем и обидно подумал, но сегодня у Леонида никто пока сумку с квитанциями не спер и он малахольно улыбнувшись, признался почти искренне:

– А че? Моя Галка девка фигуристая. Готовит, стирает, вяжет и пацанов у нас двое. Мне, другую бегать, искать что-то не хочется. А ты, видать, холостяк или в разводе, раз не подкаблучник. И как жизнь?

– Нормальная у меня жизнь. Тебе такая не снилась, дядя,– набычился "мужик" и подумал,– "В рыло видать давно не получал, душара".– Мысль эту Леонид пропустил мимо внутренних ушей и уже собрался подняться, чтобы уйти, но мысль промелькнувшая в извилинах у второго "мужика", заставила его изменить намерения. Фамилия и имя прозвучавшие были те самые №2-а.

– "Где Федька Никифоров, чего телится? Опять, наверное, языком зацепился за телку какую-нибудь, блин, ловелас. Еще минуту ждем и без него валим",– подумал парень лет двадцати и, достав мобильник, взглянул на дисплей. Потом ткнул в кнопку и, дождавшись соединения, недовольно пробасил:

– Ты что там, Никифор? Час времени осталось свободного. Шевели копытами, мы на проходняке уже.

– Извини, мужик, обеденный перерыв у нас. Вон, телефон, звони,– обратился он к Леониду.

– А вы где обедаете? Я тоже сегодня еще не жрамши,– обрадовался Леонид, что так удачно затесался в нужную компанию.

– Вон, через дорогу столовка. Иди. Там всех пускают. Нам еще коллегу нужно дожидаться,– попытался отделаться от него парень.

– Так в компании веселей, а одному давиться тоскливо,– улыбнулся дурашливо Леонид и тут же получил отповедь довольно грубую от "мужика" постарше.

– Компанию свою надо иметь, а не к чужим пристраиваться. У нас может свои разговоры? Может, мы не желаем, чтобы рядом кто-то ухи грел посторонний?– "Привязался козел",– подумал он при этом.

– Ну, вообще, ты прав,– не стал настаивать Леонид.– Коль мешать стану, тогда извини. Пойду тогда,– поднялся и из проходной вышел, услышав за спиной, произнесенную вполголоса фразу молодым "мужиком":

– Зря вы так Олег Алексеевич. Дядька вроде нормальный. Пусть бы шел с нами. Какие у нас секретные такие разговоры?

– Да пошел он, Витек, лесом. Терпеть не могу мужиков таких, о которых бабы ноги вытирают,– буркнул ему в ответ "мужик" постарше, оказавшийся Олегом Алексеевичем.

– Тряпка, значит, я в его глазах получаюсь,– поморщился Леонид, направляясь в столовую. Было в ней довольнолюдно и, повертев головой, он занял свободный столик, пожалуй, единственный оставшийся. Выставив с подноса тарелки с борщом и гуляшем, минут пять отшивал желающих присесть на свободные стулья, показывая три пальца. Жест этот понятен был всем и когда три охранника в форме появились в зале, то им волей-неволей пришлось сесть за этот стол.

– Судьба, мужики,– заулыбался им Леонид, рассматривая вживую подозреваемого №2-а – Федора Никифорова.– Меня Леонидом звать,– приподнявшись, протянул он ему руку.

– Федор,– стиснул тот его ладонь и зацепив, дакнул, очевидно, изо всех сил.

– Силен, бродяга,– напрягся Леонид и удовлетворенно хмыкнул, увидев скривившееся лицо Федора.– ВДВ хрен продавишь.

– Да ты что?– тут же расцвел в улыбке Федя.– И я из них. Где служил?

– В Рязане. Давно уже. Двадцать лет фьють,– сел на стул Леонид.

– А я три года как. ВУС какой?– продолжал улыбаться Федя.

– Снайпер – основная,– ответил Леонид, принявшись за первое.

– Ни хрена, и я. Ну, братан. Прямо чудеса. А ты говорил, Алексеич, что мудака. Свой брат – десантура.

– Это он меня мудаком назвал?– Леонид замер и ткнул ложкой в Олега Алексеевича.

– Да это он шутейно, не парься, брат. В маразме он у нас слегка,– подмигнул ему Федя, успокаивая.

– Ну, если в маразме, то хрен с ним. Проехали,– Леонид продолжил обедать.

– Приношу свои извинения запоздалые,– натянутым голосом вынужден был соблюсти этикет Олег Алексеевич, подумав при этом,– "Не трож дерьмо – вонять не будет",– Леонид, бросив на него быстрый взгляд, промолчал, решив не конфликтовать, тем более, что слова вслух произнесенные, вполне это позволяли.

– Лучше поздно, чем козлить иногда,– выдал он дежурную фазу, ни к кому не обращаясь конкретно. Здесь у него тоже ясность была с подозреваемым полная. Непричастен Федя к налету. Планы строит самые обыкновенные. Собирается в ночной клуб после смены и прикидывает, у кого стрельнуть пять тысяч до получки, не сетуя при этом, что где-то в схроне миллионы его лежат. Был бы причастен, обязательно вспомнил бы. А этот лыбится во все тридцать два зуба, да еще и спросил про ограбление броневика:

– А ты где был, Леонид, когда ваш банк потрошили?

– Не моя смена была. На даче, в грядках ковырялся. У меня в садоводстве семь соток. Галка любит ковыряться в земле, ну и меня приучила. Зато свои овощи,– ответил Леонид.

– В грядках?– не удержался и скривился Олег Алексеевич.

– Ну да. И соседи видели, так что алиби у меня железное, парни. Не я это из гранатомета шмальнул и мешки упер. А ты что подумал?– ткнул опять в сторону Олега Алексеевича Леонид, но теперь вилкой.

– Я про ограбление вообще не думал,– опешил тот, подумав,– "Куда тебе грабежами заниматься. Хоть и в ВДВ служил. Забыл наверно уже, с какой стороны в РПГ гранату вставляют".

– Из РПГ ,я конечно, как стреляют помню, но там из чего-то новомодного врезали. Типа "Мухи". Не было в мое время такой хреновины,– подтвердил почти его мысли Леонид.

"Вот-вот, грабитель, блин. На твою рожу посмотришь и никакого алиби не нужно",– подумал Олег Алексеевич, скабрезно ухмыльнувшись.

– "Сам придурок",– подумал ему в ответ Леонид и, поднявшись, попрощался с новыми случайными знакомыми.

– Оставь контактный номерок, братан,– попросил его Федя.– Вдруг у нас вакансия появится. Я отзвонюсь, мне не в лом.

– Спасибо,– обрадовался Леонид. Парень ему понравился, своим веселым характером и он, чиркнув номерок своего мобильного на салфетке, двинул ее в его сторону.– Держи и звони, не стесняйся. Мне тоже не в падлу подскочить, если вакансия образуется.

А на улице по-прежнему хлестал дождь и Леонид поежился, подумав,– "Пол дня убил и всего двоих проверил. Мне этого списка на неделю хватит. Собрать бы этих кренделей всех в одном месте, окучить всех разом и с плеч долой. Мечтать не вредно",– тут же вздохнул сожале-

юще.— "А если среди ЭТИХ, нет ТЕХ, то Варфоломей еще такой же подгонит, так что чего суе-
чусь? Тише едешь — длиннее больничный",— нашел он положительную сторону своего нынеш-
него статуса.— "Кто там у нас следующий?"

До конца рабочего дня Леонид успел "окучить" еще троих, поставив напротив их фами-
лий в списке корявые галочки.

Вечером отзвонился Варфоломею и отчитался о проделанной работе.

— Хреново,— буркнул тот из эфира, выставя оценку Леониду, как секретному сотруд-
нику уголовной полиции.

— Что хреново? Что люди проверенные не грабители и убийцы?— не удержался от реплики
язвительной Леонид. Эфир в ответ прокашлялся возмущенно и деловитым тоном сообщил:

— Завтра заезжать не буду. Добивай список. Вечерком отзовись, или если что... Будь
здоров.

— Обязательно,— успел до гудка отозваться Леонид, сжевав слово прощальное по компакт-
нее, чтобы успеть. Работать секретным сотрудником органов ему не понравилось и, жалея о
том, что дал себя уговорить Варфоломею, он поймал себя на том, что спустившись по эскала-
тору в метро, прислушивается и присматривается к пассажирам. И старания эти, к его ужасу,
увенчались успехом, в том смысле, что слышать мысли он стал не только находящихся от него в
двух шагах, а гораздо отдаленнее. Причем организм, будто обрадовавшись возможности навер-
стать упущенное за предыдущие сорок лет, не только расстояние увеличил, но и определял
стопроцентно, чьи мысли влетают в мозг Леонида. Он, застигнутый врасплох, переводил взгляд
с одного лица на другое и тот на кого он смотрел, начинал "звучать" гораздо громче остальных
оказавшихся вне фокуса, а выпавшие из поля зрения, замолкали абсолютно.

— Этого только мне для полного счастья не хватало,— проворчал Леонид и услышал оскор-
бительную реплику, принадлежащую явно девице стоящей с ним рядом,— "Старый пенек, а
тоже о чем-то мечтает еще",— думала она, презрительно косясь на Леонида. В ответ, бесцере-
монно окинув ее взглядом с головы до ног, он демонстративно отвернулся от девицы и услышал
ее реплику, — "Фи, на мужчину-то не похож, облезлый весь".— А вслух она вежливо спросила:

— Вы выходите, молодой человек?

— Я не молодой, я облезлый,— шепнул ей на ушко, повернув голову Леонид.— А следующая
конечная, все выходят и молодые, и старые пеньки тоже, красавица.

— "Ой!!!"— переполошилась девица, запунцовев и тут же выдала следом дежурную вер-
сию, которая многим, прежде всего приходит в голову,— "Я что вслух подумала?"

— Еще как!— перепугал ее Леонид окончательно. Девица отпрянула от него, чуть не упав
со шпилек и машинально за него же и ухватившись, вслух произнесла:

— Пить меньше надо.

— Совершенно с вами согласен,— усмехнулся Леонид.— Вам лет двадцать сейчас, вовремя
спохватились.

— Я не пью,— ухватила за поручни обеими руками девица.

— Я вижу,— кивнул ей доброжелательно Леонид.— В метро распивать алкоголь запрещено.

— Я, нигде, не пью,— разнервничалась девица и на ее счастье вагон замер, распахнув двери.

Пронесаясь мимо Леонида, она все же на прощенье взглянула на него, с негодованием поду-
мав,— "Сам алкаш",— А "алкаш", поднимаясь вверх по эскалатору, изумленно вертел головой,
переводя взгляд с одного встречного лица на другое. Никогда до этого дня не испытывающий
необходимость лезть в чужие мысли, а скорее тяготясь этой способностью и воспринимая ее,
как обузу нелепую, он и не подозревал, что мысли большинства сограждан настолько крими-
нальны, что впору всех сажать за решетку с формулировкой дежурной — "Угроза убийством, на
основе неприязненных отношений". Круг лиц, с которыми Леониду приходилось сталкиваться
в повседневной жизни, был довольно узок — семья и коллеги по работе в основном и эти лица
тоже случалось иногда выплескивали мысленно негатив, но он при этом знал почти всегда о

причинах. И понимание это уменьшало эффект слов, а вот сейчас он буквально ежился под взглядом спускающегося ему на встречу парня, уставившегося на него в упор и думающего при этом, – "Вылитый тесть, сука. Придушил бы гниду, если бы воля моя была. Козлина поганая. Чтоб ты шею свернул себе". – А следом за парнем стояла женщина возраста бальзаковского и тоже не оставила Леонидову физиономию без внимания, выдав ему в мозг, – "На зятя похож мужчина. Где этот обалдуй вчера таскался? Под утро пришел и наплел, что дежурил. Брешет подлец. Кобелина. Чтоб у тебя ноги отсохли. Убила бы паскудника". – Ну, этих-то еще Леонид как то понять мог, а вот когда на него взглянул мальчишка лет пятнадцати и подумал непосредственно о нем, ни с кем не сравнивая, то руки буквально зачесались отвесить хорошего подзатыльника "тинейджеру", думавшего буквально следующее, – "Во, рожа у дядьки. Врезать бы по ней маваша гери. Или йоко гери? А потом кентосами по сопатке", – мальчишка сжал кулачок и постучал им по черной транспортной ленте.

– "Восточными единоборствами видать малец занимается. Вот ручонки и чешутся. Не терпится проверить на практике полученные навыки", – понял Леонид, провожая взглядом невзрачную фигурку с шуплыми плечами. Вздохнув, он попытался отключиться от посторонних мыслей, сосредоточившись на своих собственных, но не тут-то было. Внутренние уши, в отличие от внешних, не заткнешь и Леонид зажмурился, в надежде, что при отсутствии визуального контакта это удастся. Увы. Востребованные способности, как с цепи сорвались. Голова загудела, как церковный колокол, наполняясь гомоном человеческих голосов. Леонид глаза поспешно открыл и гул упорядочился, распавшись на отдельные составляющие и взгляд, скользящий по движущимся на встречу лицам, автоматически выделял их. Леонид перевел взгляд с лиц на стену туннеля в потеках и трещинах, заляпанных свежей шпатлевкой наспех и радостно улыбнулся, организм растерялся, и шум голосов в голове утих, вытесненный привычными внешними звуками.

– С ума сойти можно, – поморщившись, пробормотал Леонид, стараясь не смотреть на человеческие лица и сосредоточившись на носках собственных ботинок.

– "Хреновая у меня обувь. Нужно с полочки новую покупать. Года не отходил. Вот поймают пенты разбойничков, с больничного и куплю", – принял он решение, пошевелив пальцами в ботинке, которым явно было дискомфортно в разваливающейся обуви. Где-то уже целостность нарушилась и, пальцам было сыро и неуютно.

"Двадцать лимонов евриков, а я как сука последняя в подземке шарахаюсь Сейчас бы за бугор, на эти... Шишилы или Мальвдувы, пузо под пальмами погреть", – ворвалась вдруг фраза в голову Леонида и он оторопело завертел ей, поняв, что где-то рядом находится один из налетчиков на банк, грызущий сам себя мысленно. Однако определить из чьей головы выпорхнула мысль, ему не удалось. Автор либо проследовал мимо вниз, скрывшись из поля зрения Леонида, либо думал уже о чем-то другом, столь же насущном.

– "Сусанка – стерва. Приеду, пасть порву", – думал, например, верзила с квадратным лицом, растянув при этом губы в улыбке доброжелательной и, вполне мог быть преступником, вынужденным ехать на метро к своей пассии, чтобы совершить эту нехитрую пластику лица. Следом за верзилой стоял мужчина постарше – лет сорока, ровесник Леонида и тоже думал вполне преступно.

– "Ничего, полгода, как-нибудь потерплю. Зато потом ни одной собаке на себя гавкнуть не позволю. Сразу хвост вырву и сожрать заставлю. Одни скоты кругом", – конечно фраза эта могла относиться не только к двадцати миллионам, из-за которых нужно сидеть и терпеть, а вполне годилась в адрес каких-нибудь реэлторов-кредиторов ипотечных и Леонид, обескуражено почесав за ухом, выскочил с эскалатора в вестибюль станции "Приморская", решая дилемму. Спуститься опять вниз, в надежде разыскать злыдня подумавшего о "евриках" или послать его ко всем чертям и отправиться все же домой, тем более, что в желудке заурчало своевременно. Организм напоминал, что он не только слышать способен чужие мысли, но и

пожрать тоже не дурак. И все таки чувство долго оказалось сильнее чувства голода,— "Это же удача какая, мимо прошмыгнула",— подумал Леонид.— "Пять миллионов вроде уже население у нас — это какой процент вероятности вот так столкнуться случайно с нужным человеком?"— последний довод его буквально подтолкнул в спину и через минуту Леонид уже бежал вниз по эскалатору, спеша догнать потенциального преступника, пока он не исчез вместе с поездом в туннеле метрополитена. Выскочив на перрон, он с облегчением вздохнул, услышав объявление:

— В следующий поезд посадки не будет. Просьба отойти от края платформы,— женский голос сделал паузу и закончил объявление оптимистическим.— Приносим извинения за доставленные неудобства.— Леонид двинулся вдоль перрона, выискивая взглядом подозреваемого номер один — парня с квадратным лицом, который спешил к подруге с романтическим именем Сусанка и возможно жалел о том, что вынужден проделывать это в муниципальном транспорте, в то время как вполне может позволить себе личный. Увидев же его перекосившуюся, в гримасе раздраженной, физиономию, встал рядом и, прислушавшись, с удивлением констатировал, что ничьих мыслей не слышит, будто все потенциальные пользователи мозгов, дружно перешли на другую волну. Покрутив головой и попытавшись услышать еще пару тройку "абонентов" Леонид понял, что организм слушать никого не желает, кроме самого себя. Желудок, в подтверждение этой версии, выдал уже не урчание, а рык тигриный и Леонид, разочарованно махнув рукой, отправился снова на выход, справедливо решив, что на "нет" и суда нет.

— "Повезло мазурику",— подумал он, шагнув на ступеньки эскалатора, убегающие вверх. А потенциальные абоненты, словно опять сговорившись, вернулись на волну общения прежнюю и мысли их сумбурные и незатейливые в основном, снова потекли в черепную коробку Леонида, заставив сморщиться.

Глава 4

Клиент-буржуй, заключивший контракт с "Экстримом", отправился в город-герой Севастополь совсем не для того чтобы получить пару раз по сытой мордашке от тамошних бомжей, влившись временно в их сплоченные, одинаковыми проблемами, ряды. Клиент пожелал получить от этого города своеобразную сатисфакцию. Это был город его юности. В нем он когда-то давным давно, в прошлом веке, учась в одном из учебных заведений, получил некоторую сумму знаний, которые в дальнейшем возможно и позволили стать ему успешным предпринимателем, но в памяти у бывшего студента осталось негативное воспоминание о городе юности и вот почему. Тогда еще наивный и прыщавый он однажды, провожая сокурсницу, был остановлен уличными хулиганами и на глазах у нее слегка получил по мордам. Слегка, потому что ноги у парня оказались резвыми, а хулиганам гоняться за ним было лень. На другой день, все студенты учебного заведения, тыкали пренебрежительно пальцами в его сторону, а студентки презрительно морщили губы и носики. Хорошо, что курс был уже последним и, терпеть всеобщее порицание не пришлось долго – всего один учебный семестр, но и за это время, показавшееся будущему буржую вечностью, он чуть не сделался психом. Ну, хотя бы потому, что обращаться к нему стали исключительно по прозвищу, которое для этой цели и выдумали высоколобые, но плохо воспитанные, однокурсники. Оттолкнулись от фамилии в своих фантазиях. Обычная, в общем-то фамилия – Зайцев. Совсем не обидная. Да и кличка – Заяц, тоже вроде... Когда прежде сокурсницы называли его же, в порыве страсти, Зайкой, то он почему-то не комплексовал. Теперь просто Зайцем стали дразнить... Все, и это было мучительно обидно. – "Ну, сбежал... С кем не бывает?", – думал Зайцев. – "Этой-то, Нинке, ничего такого не сделали. Говорит, что до дому даже проводили и спокойной ночи пожелали. Вежливые попались хулиганы... А если бы я не сбежал, то и мне бы навалили, и ей бы навешали под горячую ногу. Лечились бы потом оба в больнице от травм полученных. Ни за что, ни про что. Правильно выходит, я убежал. Поступил героически, можно сказать. Спас девушку от побоев. А может и честь ее спас. Вот кто знает?" – однако героем Зайцев выглядел только в своих монологах мысленных, а в реальности все окружающие были убеждены, что он обыкновенный трус. – "Поглядел бы я на вас, если бы вас на мое бы место той ночью. Может в штаны бы вообще наложили", – думал неприязненно о сокурсниках Зайцев, а они, не подозревая о тех невысоких оценках, которые он им мысленно выставлял, буквально принялись травить его, издевательски потешаясь. Разыгрывали, импровизируя, целые сценки, от которых Зайцева бросало то в жар, то в холод от негодования, ненависти и обиды.

– Зайца не видели? – орал обязательно кто-то, входя в аудиторию.

– Кого? – переспрашивал кто-нибудь, под ехидные ухмылки остальных присутствующих.

– Серенький такой, с ушами, – пояснял вошедший. – Трясет ими все время. Увидите, передайте, что его в деканат вызывают.

– Зачем Зайца в деканат, Петь? – звучал естественно вопрос.

– Медаль ему "За Отвагу" Родина решила выдать, – под смех скабресный отвечал Петя.

– Что-то Родина поскупилась, Петруха. Я бы ему орден выдал, размером с люк канализационный, с закруткой на спине, – хохмил второй импровизатор. Жизнь сокурсники устроили Зайцеву, просто невыносимую. Чуть не довели беднягу до суицида или бегства, куда глаза глядят, лишь бы не слышать их ежедневные шуточки. Чуть экзамены не завалил. Чудом сдал.

Попав по распределению, опять же чудом не иначе, в город-герой Санкт-Петербург, тогда еще называвшийся официально Ленинградом, Зайцев, при первой же okazji, фамилию свою дескредитировавшуюся сменил. Вступил в брак и фамилию супруги в свой паспорт вписал. Похоже, что и женился только ради этого, выбирая спутницу жизни исключительно по фамилии. Подобрал назло врагам – сокурсникам бывшим, с диаметрально противоположным значе-

нием. Антагонистичную от первой буквы до последней, по отношению к своей кровной. Собакиным стал Зайцев по паспорту. С первой супругой жизнь у Собакина, бывшего Зайцева, не сложилась, и развелся он с ней через год интеллигентно, почти без скандала в суде. Судьи попытались примирить молодоженов, предложив им месяц на размышление, но истица – Собакина, так завизжала протестуяще, плюнув при этом в супруга, Собакина же, раз десять, что выдавшие всякое судьи, настаивать не стали.

Собакин вышел из зала суда, хоть и заплеванный, но с высоко поднятым подбородком.

– Ты не права, Алиса, – сказал он на прощанье бывшей супруге. – Твоих вещей я не брал. Почему ты не веришь, что нас посетили позавчера квартирные воры – домушники?

– Козе-е-е-ел!!! – ответила ему бывшая супруга Алиса. – Дурой меня считаешь? Воры все ценное выносят, а эти взяли только исключительно мои вещи. Сволочь ты и подонок. Чтоб ты сдох, – она еще долго кричала всякие нецензурные слова, собрав вокруг себя толпу любопытных, но Зайцев... пардон Собакин, слушать ее не стал, юркнул за угол, добежал до остановки и прыгнул в гостеприимно распахнувшиеся трамвайные двери.

С тех пор как будущий буржуй превратился из Зайцева в Собакина, много утекло воды в Неве и, город на этой реке поменял название, и жизнь вроде бы в нем, переименованном в который раз, удалась в материальном плане, но... Остался неизжитый комплекс неполноценности. Комплекс этот грыз Собакина изнутри, отравляя ему жизнь. В последнее время почему-то стали сниться его давнишние сокурсники. Являлись во сне, молодые и язвительные. Заявлялись по одному и, всей группой бывало, но всегда, кто-то орал, – Эй, Заяц! Все трясешь ушами? Ну и рожа у тебя, Косой, – что-то всегда в таком духе. Очень обидное. Собакин просыпался мокрый от пота и, сердце у него чуть не выскакивало из груди, громяхая по заплывшим жиром ребрам.

Психоаналитик, к которому он обратился, дотошно его расспросил и вынес вердикт-диагноз.

– Маниакальная депрессия у вас, уважаемый, так скать. Это лечится вполне успешно. Я вам выпишу препараты, которые необходимо принимать регулярно, так скать, на протяжении курса лечения. Пройдете, попьете таблеточки и все у вас нормализуется. Нет причины, так скать, для паники, уверяю вас.

– Как же нет? – вскочил с кушетки Собакин. – А сны эти сволочные? – забежал он по кабинету.

– Сны? Ах, сны. Со сновидениями несколько сложнее, уважаемый, так скать. Чувство вины неосознанное, вот что их порождает, по моему мнению, и вам следует, так скать, избавиться от этой гипотетической вины.

– Как, как? Научите. Я все сделаю, как скажете, доктор. Я забыл, когда спал нормально. Я не высыпаюсь постоянно. У меня сердце болит от этих снов, – Собакин, упал на кушетку и замер, оцепенев, в ожидании совета врача.

– Я думаю, что вам следует изжить это чувство вины подростковое, совершив физически нечто прямо противоположное, так скать, тому, что вы совершили в юношеском возрасте, – глубокомысленно, вкрадчивым голосом изрек психотерапевт.

– Что совершить? Тогда я повел себя, как испуганный мальчишка и сбежал. Что теперь я должен сделать? Напасть на какую-нибудь парочку влюбленную и обратить кавалера в бегство?

– Нет, уважаемый. Теперь вы должны не убежать, а защитить даму. И она, оценив ваш поступок, достойный настоящего мужчины, так скать, словами признательности, избавит вас от этого глупого чувства вины.

– Я должен для этого таскаться с этой дамой по ночам и ждать когда на нас нападут хулиганы? – вскочил опять с кушетки Собакин.

– Зачем же ждать? Вы обеспеченный человек, так скать, и вполне можете позволить себе такую роскошь, как наем этих хулиганов. И ничего что они будут не настоящими, а актерами,

так скать. Лишь бы сыграли натурально, так скать, чтобы дама не заметила подвоха и впоследствии искренне вас благодарила. Очень было бы эффективно, провести сеанс излечения на том же самом месте, где вы оплошали в молодости, так скать.

– Я понял! Как все просто. Нанимаю десяток мордovorотов, бью им морды на глазах у дамы и окэй. Спасибо, доктор, вы гений,– обрадовался Собакин, схватив психоаналитика за плечи и прижав его благодарно к груди.

– Ну, уж и гений,– засмутился доктор.– Стараюсь, так скать, соответствовать в меру сил. Только вы, батенька, так скать, не переусердствуйте с достоверностью. К чему устраивать бои гладиаторские, так скать? Зачем такую толпу вы собрались нанять актеров? Дама может усомниться и вместо дифирамбов восторженных, получите скандал уничижительный и обидный. Усугубите, в таком случае заболевание и чувство вины возрастет, так скать. Дама должна быть, так скать, абсолютна убеждена, что вы реально, так скать, защитили ее честь и достоинство. Сколько напавших на вас хулиганов было тогда, в юности, так скать?

– Трое подошли, закурить спросили. А напал один. Сказал, помню,– "Ну ты, чмо, очкастое, щас я тебе хрен вырву".– И как даст в ухо. Смотрю, а я уже бегу, а они, слышу, свистят. И гогочут.– "Го-го-го". Сволочи!– пробило на воспоминания неприятные Собакина.

– Вот и славно, так скать. Троих и привлечь нужно. Зачем десять? Пожалейте даму, себя и финансы, уважаемый, так скать. И хорошо бы для достоверности, вам во время этого сеанса излечения, так скать, травму получить незначительную. Проинструктируйте актеров, чтобы разок аккуратненько разбили вам, так скать, чтонибудь. Губу или нос, так скать. Для пущей достоверности, так скать,– посоветовал, прощаясь психотерапевт, выписывая счет к оплате, в который Собакин глянул и понял, что словам этого человека можно верить несомненно, так как, судя по затребованной за услугу сумме, были они у него на вес платины.

Получив ясные рекомендации от врача, Собакин приступил к их реализации с рвением необыкновенным. Перспектива получить в результате приз в виде обыкновенных снов, без рож однокурсников, так его стимулировала, что он уже стал спать гораздо лучше. И даже появляющиеся по-прежнему в сновидениях эти рожи перенося гораздо спокойнее. Фиги осмелился совать в рожи ненавистные,– Сами вы зайцы, мать вашу,– орал Собакин, пугая супругу, спящую рядом.

– Левик,– трясла она мужа.– Конечно, они все зайцы, а ты у нас Лев. Ты был у врача?

– Был,– просыпался Лев Собакин, который вместе с фамилий, назло опять же бывшим сокурсникам, имя тоже поменял. Прежнее имя у него было Илья. И что плохого в этом имени спросите? Да нормальное имя, только и его дискредетировали злыдни сокурсники в свое время, однажды в импровизациях срифмовав с "заячьим ухом". "Илюха – заячье ухо",– схохмил кто-то и, всем стало ужасно весело. Всем, кроме Собакина, тогда еще Зайцева.

– Пилюльки прописал и рекомендовал съездить в город моей юности – Севастополь. Это в Крыму, дорогая.

– Это же захолустье жуткое,– всполошилась супруга.

– Да. А что делать? Только там я смогу окончательно излечиться,– Собакин взглянул на жену и подумал,– "Ну и рожа у тебя, Розка. С тобой можно где угодно ночью шляться, никто не привяжется. Разбегаться наоборот хулиганы будут".

В этот брак Собакин вступил так же обоснованно, как и в первый. Он вообще был человеком очень предусмотрительным и основательным. Как говорят в народе.– "Семь раз отмерь – один отрежь". Так это не про него. Про него нужно говорить "Семьдесят семь раз отмерь". Второй свой брак Лев планировал так обстоятельно, что на это у него ушло десять лет, пока свой выбор правильный сделал, окончательный. Всем устраивала его очередная избранница. Из семьи высокопоставленного чиновника – это раз. Пункты два, три и т.д можно упустить, все равно, все вместе, скопом пункт первый они не перевешивали. Так и чего время зря терять, перечисляя?

Недостатки, конечно же, тоже были у избранницы. Кто без недостатков? Но незначительные, терпимые вполне, на фоне все того же пункта первого. Ну, не блещет девушка внешне... И что?

"С лица воду не пить".— Так народная мудрость гласит. Собакин и не собирался это делать. Он карьеру собирался делать и, Роза с папашей нужны ему были в качестве трамплина. Хороший трамплин, высоко швырнул. Собакин вздохнул, повернулся спиной к Розе и поставил ее в известность: — Завтра еду в Крым на излечение.

— А я?— осведомилась супруга.

— Что тебе в захолустье этом делать две недели? Съезди куда-нибудь в цивилизацию. В Париж или Куршевель. На лыжах покатайся,— отмахнулся от ее поползновений Собакин, засыпая.

Рекламный буклет фирмы "Экстрим-досуг" попался ему на глаза случайно и очень кстати. Прочитав текст, Собакин понял, что это то что ему нужно для успешного претворения в жизнь задуманного. Привлечь людей со стороны, что может быть лучше в его конкретном случае? И вообще проверить все под псевдонимом, что бы информация о его похождениях, в славном городе-герое украинском, не расплылась из офиса "Экстрима". Сделать документы соответствующие, при его связях и финансах, для Собакина проблемой не являлось и, в офис фирмы он заявился под псевдонимом. Контракт на оказание услуг подписал не господин Собакин Лев Емельянович, а Львов Емельян Семенович. Полностью фамилию имя и отчество использовать в псевдониме творческом не удалось, но вот по этому поводу господин Львов совершенно не комплексовал и в депрессию не впадал. Отсчитал в СКВ, сколько запросили умельцы привлеченные, и за какихнибудь полчаса запомнил, что он в Севастополе должен откликаться на фамилию Львов. Хорошая фамилия — достойная и Лев Емельянович с удовольствием оставил бы ее как основную, но к фамилии Собакин он уже по привычке за последние десятилетия. Да и менять ее сейчас, вот так сразу, было чревато, для бизнеса, в котором он подвизался Собакиным, привязав его к этой фамилии. Почему не взял при женитьбе опять девичью супруги? Законный вопрос. Мог бы конечно. Законодательство наше российское позволяет, но... Выбирал супругу в этот раз Собакин Лев Емельянович, ориентируясь на другие качества, которые в пункте первом, как достоинства указаны. А вот фамилию пришлось отнести к тем самым немногим недостаткам, к тем же что и внешность. Девичья фамилия супруги оказалась Кроликова. Такая вот гримаса судьбы. Стоило ли менять шило на мыло? "Не стоит",— решил в свое время Собакин, семьдесят семь раз отмерив.

В офисе "Экстрим-досуг" к нему подошли со всем пиететом, Выслушали пожелания, вникли в тонкости, не вникая в суть и, сумму запросили за все про все не такую уж запредельную, с точки зрения Зайцева-Собакина-Львова. Директор агентства ему понравился с первого взгляда, хваткой своей, деловитостью и предупредительностью.

— Все для клиента, Емельян Семенович,— мурлыкал он доброжелательно, сидя в кресле напротив.— Оплата в кассу. Парней мы вам подберем самых сообразительных и расторопных. Все в лучшем виде организуют. Михаил Савельевич, проследите, чтобы лучшую бригаду подключили. Лично проинструктируйте. Его зам Михаил Савельевич, Емельяну Семеновичу так же понравился с первого взгляда. Аккуратностью — прежде всего. Галстуком безупречно повязанным. У самого Емельяна Семеновича это всегда было проблемой. Не получались узлы красивыми, хоть и вязал он их уже лет двадцать. Поэтому людям, у которых это получалось, он искренне по-хорошему завидовал. Впрочем, в данном случае, совершенно напрасно. Мишка-Конь узлы на галстуках вязать вообще не умел никакие, даже корявые и проблему с узлами решил просто — не развязывал купленные. Ослаблял, снимал и вешал в шкаф с узлом. И очень бы удивился, узнав, что кто-то способен завидовать умению вязать эти узлы.

– Не желаете ли инкогнито соблюсти при проведении экстрим-досуга?– поинтересовался тем временем у клиента Толян-Анатолий Дмитриевич. Озадачив вопросом этим Льва Емельяновича, который уже и без того прикрылся псевдонимом.

– Вы и такую услугу предоставляете?– удивился он.

– Разумеется. Многие наши клиенты не желают отдыхать под собственными именами, и мы идем им навстречу, совсем за незначительную доплату в 5-ть процентов,– расплылся в улыбке Толян.

– Сумма приемлемая,– пожевал губами Лев Емельянович, подумав,– "Почему нет, конспирация лишней не бывает",– и в результате подписания им соответствующего дополнительного соглашения к контакту, получил еще один российский загранпаспорт, даже не поинтересовавшись своими очередными позывными. "А какая разница? Все равно в утиль пойдет",– подумал он. И впервые за последние десятилетия совершил легкомысленный поступок. Взглянуть все же нужно было. Пожалел он об этом на другой день, встретившись на перроне вокзала с молодым парнем, представившимся Павлом и передавшим ему паспорт и билет в СВ. Вот тогда-то Лев Емельянович, открыв его, мысленно и ахнул. Фамилия, указанная в нем, почти совпала с его первой.– Зайкин Степан Степанович,– прочел он и вздрогнул.

– Что за фамилия свинская?– высказал он претензию, злым шепотом, парню.– Благозвучнее подобрать не могли?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.